

2
2

Бар. Л. Врангель

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Отрывки изъ рассказовъ моей матери

УМСА-PRESS

ПАРИЖЪ 1934

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

УМСА-PRESS

10, Bd Montparnasse, Paris.

Е. БУЛГАКОВА — Царевна Софья (историч. повѣсть).

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ — Жизнь Тургенева.

М. КУРДЮМОВЪ — «Сердце Смятенное» (о творчествѣ ЧЕХОВА).

КЕЛЬСІЕВЪ — Москва и Тверь. (Истор. пов. врем. татарск. ига).

К. МОЧУЛЬСКИЙ — Духовный путь ГОГОЛЯ.

М. МОСКВИНЪ — Хожденіе по ВУЗ'амъ (записки комсомольца).

Т. ТАМАНИНЪ — Отечество (романъ).

кн. Гр. ТРУБЕЦКОЙ, — Красная Россія и Святая Русь.

Г. ФЕДОТОВЪ — И есть и будетъ. (Оцѣнка настоящаго, ближайшаго прошлаго и будущаго Россіи).

М. ЮШКЕВИЧЪ — Приключенія Волшебнаго Мальчика. (Семь фантастич. сказокъ для старыхъ и малыхъ).

Полный каталогъ изданій УМСА-ПРЕССЪ за гг. 1921—1934 съ подробнымъ изложеніемъ содержанія каждой книги высылается бесплатно.

Spetsstaafne fond

Бар. Л. Врангель

L. 8. 902

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Отрывки изъ разсказовъ моей матери

TALLINNA KESK-
RAAMATUKOGU
съ предисловіемъ

Проф. Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

449 903

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

SV 8376

ПАРИЖЪ

1934

202024

TALLINNA KESKIN
RAAMATUKOOGU

Printed in France

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эти мемуары не изображаютъ потрясающихъ событій, войнъ или революцій; но они даютъ живое прикосновеніе къ быту трехъ поколѣній. Душа отдыхаетъ въ сознаніи былой тишины русской жизни, былого богатства, довольства и красоты дворянско-крестьянской Россіи. Развѣ это не потерянный рай? Если-бы удалось эту ушедшую жизнь показать въ кинематографѣ, возстановить во всей полнотѣ переживаній, то она конечно показалась-бы раемъ и притомъ бывшимъ крестьянамъ еще въ гораздо большей степени, чѣмъ бывшимъ помѣщикамъ.

Первое, что даютъ намъ такія воспоминанія, это уничтоженіе революціоннаго міѳа о голодномъ и угнетенномъ народѣ. Голодь, угнетеніе, казни суть вѣчные атрибуты революціи. Для революціонной фразеологіи отнынѣ «заграждаются всякія уста».

Не мѣшаетъ вспомнить пушкинскій разговоръ съ англичаниномъ на перекладныхъ. Вопросъ: «что можетъ быть несчастіе русскаго крестьянина?» Отвѣтъ: «англійскій крестьянинъ!» Англичанинъ отмѣчаетъ спокойное достоинство и свободу въ обращеніи русскаго

крестьянина. И это во времена крепостного права в Россіи, и парламентаризма в Англии! Тургеневскія «Записки Охотника», несмотря на всю тенденцію, даютъ идиллію крестьянско-дворянской Россіи.

Все это вѣрно; но совершенно такъ-же долженъ быть отвергнутъ реставраціонный миѳъ, вѣрящій въ спасительное чудо возстановленія. Рай только тогда кажется раемъ, когда мы его потеряли; а пока мы въ немъ, онъ кажется скукой отъ избытка и спокойствія, и показался бы двойной скукой, если-бы мы его повторили. И снова возжаждало-бы челоуѣчество познанія добра и зла, ибо исторія движется изъ невиннаго дѣтства и переходитъ къ молодости, съ ея искушеніями и паденіями. Патріархальный рай долженъ быть потерянь, какъ и отчій домъ, чтобы превратиться въ мечту золотого дѣтства.

Есть одно основное переживаніе въ старой Россіи, которое всѣмъ намъ хорошо знакомо, и которое съ большой силой и правдой выступаетъ въ этихъ мемуарахъ.

Вотъ русская барышня «Наташа» слушаетъ ночью въ открытое окно пѣсню соловья, и плачетъ и тоскуетъ въ упоительной красотѣ ампиричнаго дома и парка, и потомъ горячо молится передъ образомъ...

«Милое лицо Наташи, замкнутое и затуманенное, мѣнялось за роялемъ, ея лучистые черные глаза вспыхивали какимъ-то грознымъ блескомъ»... Въ своей «безпредметной» тоскѣ она

бѣжить изъ этой тишины и красоты сначала въ Печерскую Лавру послушницей, а потомъ «пѣвичкой въ шикарные кабаки». Эта «Наташа» всѣмъ намъ родная, она наша сестра и возлюбленная, она воспѣта всѣми поэтами Россіи, всѣми романсами и романами. Она наша душа, наша русская мятежная Психея, и это о ней сказано:

«Понятнымъ сердцу языкомъ

Твердить о непонятной мукѣ»...

А здѣсь-же рядомъ какой-то странный «дядя» живетъ въ саду въ отдѣльномъ флигелечкѣ и приготовляетъ особые табаки и трубки, и изучаетъ сложными флюгерами направленіе вѣтра.

Наконецъ, этотъ поразительный «Василь-Воля», пастухъ и поэтъ, фантастическій русскій странникъ, который бросаетъ родную землю и уводитъ освобожденныхъ крестьянъ «въ теплыя страны», «на бѣлыя воды», чтобы потомъ вмѣстѣ съ ними вернуться къ разбитому корыту — развѣ это не живой символъ Россіи?

Россія была богата и сильна, но она не знала, что дѣлать со своимъ богатствомъ и куда дѣвать свои силы. И садился помѣщикъ вечеромъ раскладывать свой «грань-пасьянсъ». Вся наша прежняя жизнь въ основномъ своемъ ритмѣ была «грань-пасьянсъ». И раскладывала его такъ вся Россія, пока наконецъ не потеряла терпѣнія...

Что-же мѣшало русскимъ людямъ примѣнить

свои скрытыя силы и таланты, извлечь и показать свои подземныя богатства? Правительство мѣшало? Или беспочвенная мечтательность и революціонный утопизмъ?

Отвѣта нужно искать въ такомъ направленіи: содержаніе сознанія не соотвѣтствовало подсознательной мощи; ни идеи правительства, ни идеи интеллигенціи, ни идеи церкви не выражали народнаго подсознанія и не владѣли имъ, не символизировали и не очаровывали фантазію.

Достоевскій такъ опредѣлилъ стихію русскаго подсознанія: «необъятная сила непосредственная, ищущая покою, волнующаяся до страданія и съ радостью бросающаяся во время исканій и странствій — въ чудовищныя уклоненія и эксперименты до тѣхъ поръ, пока не установится на такой сильной идеѣ, которая вполнѣ пропорціональна ихъ непосредственной животной силѣ».

Всего менѣе марксизмъ можетъ быть признанъ такой идеей — философски-жалкій и ужъ совсѣмъ не русскій. Это ученическое увлеченіе многихъ, и отнюдь не худшихъ, русскихъ мыслителей изживается сейчасъ инфантильной народной душой. Русскій народъ едва вышелъ изъ отрочества и юности, и вступилъ въ Sturm-und-Drang-Periode. То, что онъ далъ міру пока въ своемъ творчествѣ — это лишь «юношескія произведенія». Зрѣлая мудрость еще впереди.

Проф. Б. Вышеславцевъ.

СЕМЬЯ СОКОЛОГОРСКИХЪ.

Наше имѣніе «Криничная» Полтавской губерніи было раскинуто по обѣимъ сторонамъ большой дороги — «Екатерининскаго шляха», — обсаженной старыми корявыми ветлами. Дорога была построена для путешествія Екатерины въ Таврію и шла отъ Полтавы мимо нашего дома на г. Кременчугъ. За нашимъ имѣніемъ на Днѣпрѣ, съ его безчисленными островами и плавнями, богатыми рыбой, дичью и прекрасными пастбищами, свила себѣ гнѣздо знаменитая Запорожская Сѣчь или Сича.

Мы, Сокологорскіе, наши сосѣди помѣщики Житовскіе, Козельскіе и др., всѣ вышли изъ Запорожской Сѣчи, куда предки наши бѣжали изъ Польши, гонимые уніей и ляхами, изъ Московіи, мечтая о казацкой жизни, гдѣ не было ни «тягла», ни поборовъ, ни ненавистныхъ дьяковъ, гдѣ всѣ считались равными, гдѣ власти были выборными...

Нашъ предокъ Буткевичъ пришелъ изъ Литвы и послѣ традиціоннаго вопроса: «Вѣруешь-ли

въ Бога?» и «православный-ли?», былъ принять въ Запорожскую Сѣчь.

Это было время жестокихъ междоусобицъ между украинскимъ народомъ, отстаивавшимъ русскую національность и называвшимъ себя «Русью», и поляками; время, когда православная религія стала для украинскаго народа знаменемъ свободы и противодѣйствія панскому гнету.

Буткевичъ за удалство получилъ въ Сѣчи прозвище «Соколь», которое быстро вытѣснило его прежнюю фамилію. Онъ выселился на р. Воркслу въ семи верстахъ отъ городка Кобелякъ и, на высокой горѣ построивъ свою усадьбу «Соколки» и церковь, началъ носить фамилію Соколь-Горскій, которая впослѣдствіи слилась въ Сокологорскаго. Церковь въ «Соколкахъ» была нашимъ приходомъ, а ея священникъ нашимъ духовникомъ.

Въ этой церкви были погребены ея основатель съ женой, а также другіе запорожцы «Соколы». Тамъ въ храмѣ, у алтаря, на бронзовыхъ надгробныхъ плитахъ, церковно-славянскимъ письмомъ были перечислены походы и войны, которые вели погребенные съ турками, крымцами и поляками.

Потомковъ сѣчевыхъ старшинъ, писарей, кошевыхъ и куренныхъ атамановъ Екатерина II-ая возвела въ столбовое дворянство и они получили въ числѣ другихъ привилегій право курить водку - горилку...

Такая грамота Екатерины у насъ хранилась

до послѣдняго времени, а также и огромные винокуренные дѣдушкины чаны, давно стоявшіе безъ употребленія около конюшенъ.

У моего дѣда Ивана Павловича Сокологорскаго были имѣнія и въ Запорожьѣ на Днѣпрѣ у пороговъ, и въ Украинѣ. Имѣніе Келебердяновка на Днѣпрѣ перешло къ моей теткѣ Елизаветѣ Ивановнѣ Сокологорской, отъ которой у насъ хранится серебряный кубокъ запорожца Григорія Келеберды — моего пращура. На кубкѣ съ древнимъ русскимъ орнаментомъ вырѣзаны слова: «Сич» и «Григорій Келеберда».

Имѣніе Буковенька на рѣкѣ Ингуль перешло къ другой моей теткѣ Маріи Ивановнѣ Савицкой, а «Соколки» съ «Перегоновкой» и «Криничная» перешли къ моему отцу Ивану Ивановичу Сокологорскому. Всѣ эти имѣнія были приобрѣтены захватнымъ правомъ нашими предками запорожцами со своевольнымъ установленіемъ границъ.

Наша усадьба «Криничная», гдѣ я и родилась, на рѣкѣ Кобелячекъ, притокѣ рѣки Ворсклы была любимымъ имѣніемъ моего дѣда Ивана Павловича, сына настоящаго запорожца, еще ходившаго въ Сѣчь. Дѣдъ мой тоже часто уѣзжалъ на Запорожскіе острова, оставляя на долгіе мѣсяцы мою бабушку Марину Ивановну одну въ имѣніи.

Домъ дѣдушки въ старомъ запущенномъ саду у пруда былъ разрушенъ задолго до моего рожденія. Около него осталась «криница» —

источникъ чистой воды, чтимый мѣстнымъ населеніемъ, съ деревяннымъ навѣсомъ, вродѣ часовеньки, съ прекрасной иконой Св. Троицы, письма итальянскаго мастера. Въ честь этого источника и имѣніе называлось «Криничная».

Недалеко отъ **К**риницы находилась и могила моего дѣда; къ ней вела тропинка черезъ старый заброшенный фруктовый садъ и всяческую заросль. Здѣсь, подъ старой грушей, стоялъ потемнѣвшій крестъ на зеленомъ холмикѣ.

За старымъ садомъ протекала рѣчушка Кобелячекъ съ тремя огромными прудами. Эта маленькая рѣчушка была мѣстомъ многихъ битвъ запорожцевъ съ турками, татарами и разными кочевниками юга Руси. Наши крестьяне иногда находили въ ея илистомъ днѣ оружіе и утварь далекихъ временъ. У нашего же сосѣда помѣщика Козельскаго былъ цѣлый музей стариннаго оружія и серебра.

Моя бабушка, Марина Ивановна, урожденная Долинская, для своего времени, образованная женщина, окончила пансіонъ для благородныхъ дѣвиць въ Кременчугѣ. Подъ старость потерявшая представленіе о дѣйствительности, она все еще боялась чьихъ то набѣговъ; брала серебро, связывала его въ узелокъ и то топила его въ пруду, то закапывала подъ старыми ясенями, посаженными еще дѣдомъ. На укору приставленной къ ней горничной, она говорила: «Я гарно сховала відъ турковъ».

Иногда же подъ гнетомъ непонятныхъ для

насъ событій прошлаго, бабушка заставляла своего кучера Панько запрягать лошадей и ѣздила съ нимъ до изнеможенія по уѣзду: «шукать массонівъ»... Моя мать всегда относилась къ бабушкѣ съ большимъ уваженіемъ: къ ея гуманному уму, ея любви къ дѣтямъ, особенно къ своему сыну Ивасю, какъ она звала моего отца и къ своимъ внукамъ. Мои братья очень были къ ней привязаны и часто бывали съ ней. Первое время, когда мать, пріѣхавшая изъ Польши, не знала русскаго языка, бабушка говорила съ ней по французски.

По тогдашнему понятію въ обязанность помѣщиковъ входило религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей крѣпостныхъ и судъ надъ провинившимися крестьянами.

Такъ бабушка собирала у себя въ залѣ деревенскую дѣтвору и учила ее молитвамъ, какъ надо креститься и когда класть поклоны...

Дѣтямъ трудно давался чуждый имъ церковно-славянскій языкъ молитвъ, и, конечно, большинство изъ нихъ выучивало ихъ безсознательно. Чтеніе и письмо казались въ тѣ времена совершенно ненужнымъ дѣломъ.

Въ этой же залѣ, или во дворѣ, сидя на крылечкѣ, бабушка творила свой судъ надъ провинившимися крестьянами и дворовыми людьми.

Бабушкинъ домъ въ старомъ саду, бѣлый, штукатуренный, выходилъ своимъ крыльцомъ съ двумя колонами во дворъ къ хозяйственнымъ постройкамъ. Спокойно было въ старомъ домѣ,

въ выбѣленныхъ комнатахъ съ изразцовыми цвѣтными печами. Здѣсь все было подъ рукой: сливы стучались въ окно дѣтской и даже падали на полъ, черешня вплотную придвинулась къ крыльцу, такъ, что можно было прогонять съ нея воробьевъ; а заросль, окружавшая домъ, была полна желтыхъ и бѣлыхъ лилій, синихъ пѣтушковъ и барвинки.

Комнаты въ домѣ были низкія, убранныя по старинному жесткой мебелью краснаго дерева, со старинными портретами на стѣнахъ. Тамъ висѣли дагеротипы семьи Танскихъ. Дѣдушка, бритый, съ правильными чертами гордаго лица, въ халатѣ со звѣздой. Бабушка полная, улыбающаяся...

Далѣе портретъ Воейкова, помѣщика Тамбовской губерніи, коннозаводчика и пріятеля моего отца. Воейковъ до старости былъ необыкновенный силачъ и потому онъ былъ написанъ сидящимъ у столика, на которомъ лежали атрибуты его силы: колода картъ, которую онъ разрывалъ руками, яблоко, которое онъ перерѣзывалъ пальцами и подковы.

Еще висѣли въ гостиной въ углу около дивана портретъ гр. Ростопчиной, писанный въ бѣломъ атласномъ платѣ съ зеленымъ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, а также портретъ Грибоѣдова и польской писательницы Гофманъ, дальней родственницы матери. Въ этомъ домѣ бабушка окончила свою жизнь и послѣ ея смерти онъ служилъ для нашихъ гостей.

Старая ясеневая аллея, посаженная дѣдушкой соединяла бабушкинъ домъ съ нашимъ новымъ построеннымъ моимъ отцомъ вскорѣ послѣ своей женитьбы. Въ немъ жила вся наша семья — отецъ, мать и мы, три сестры, кромѣ нашихъ двухъ братьевъ, помѣщавшихся со своимъ гувернеромъ рядомъ во флигелѣ. Нашъ новый домъ, типично-помѣщичій одноэтажный выходилъ однимъ фасадомъ съ большой террасой съ четырьмя массивными бѣлыми колоннами въ цвѣтники новаго огромнаго сада. Другимъ фасадомъ, съ галлереей во весь домъ съ маленькими колонками, поддерживавшими зеленую крышу, домъ выходилъ на зеленый лугъ, отдѣлявшій его отъ Екатерининскаго шляха. На другой сторонѣ этой дороги, тамъ, гдѣ она поднимается въ гору и идетъ на Полтаву, стоялъ рядъ кургановъ — могилъ, кажется, еще скиѣскихъ временъ. Раскопокъ тогда не дѣлали, а мы дѣтьми очень любили бѣгать по ихъ вершинамъ, изрытымъ рвами и валами. Очевидно курганы служили и крѣпостной защитой при набѣгахъ кочевниковъ. Наши Криничанскіе крестьяне пѣли:

«Ой, у поли могила
Съ вітромъ говорила:
«Повій, вітеръ буйнесенькій,
Щобъ я не змарнила.
А вітеръ не віе,
Сонечко не гріе,

Тилько одна на могиле
Трава зеленіе».

Далѣе за курганами находились: наша нарядная вѣтряная мельница, выкрашенная въ палевый цвѣтъ, «магазея», куда ссыпалось запасное зерно для посѣвовъ, клуня съ сельско-хозяйственными машинами и маячившимъ на крышѣ гнѣздомъ аистовъ, наше кладбище и наконецъ деревня Криничная. Бѣлыя хаты съ расписными углами и окнами, съ садиками, мальвами и желтыми цвѣточками, спускались къ пруду, за которымъ начинались огороды, баштаны и необозримыя хлѣбныя поля. Они тянулись на десятки верстъ и, переливаясь, какъ волны морскія, терялись на горизонтѣ.

Имѣніе наше считалось образцовымъ и очень доходнымъ. Главное его богатство составляли черноземныя поля, на которыхъ сѣяли: пшеницу, ячмень, овесъ, жито, гречиху, рапсъ, горчицу (для масла), просо и кормовыя травы. У отца были также большія стада овецъ — «шпанки»; шерсть продавалась на Ильинской ярмаркѣ въ Полтавѣ, и конскій заводъ для ремонта лошадей кавалерійскихъ полковъ. Много вниманія отецъ удѣлялъ овцеводству, разведенію знаменитыхъ рѣшетилловскихъ овецъ. Эта порода была занесена въ Полтавскую губернію чумаками, ходившими въ Крымъ за солью и таранью въ обмѣнъ на свою пшеницу. Изъ Крыма они и привезли

прекрасныхъ смушковыхъ татарскихъ барашковъ чернаго цвѣта.

Моему отцу удалось получить отъ нихъ при скрещиваніи со «шпанкой» особую сѣрую се-ребристую смушку столь любимую впоследствіи въ Малороссіи, получившую названіе «сокольской» по мѣстонахожденію большинства нашихъ овецъ въ имѣніи «Соколки»...

Отецъ очень любилъ сельское хозяйство, впервые организовалъ въ Полтавской губерніи Сельско - Хозяйственное Общество, и лично управлялъ всѣми дѣлами своихъ имѣній при помощи приказчиковъ, которыхъ выбиралъ изъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ.

На «черномъ дворѣ» у насъ жили «дворня» и рабочіе: кучера, конюхи, пастухи, шорники, плотники, ключница и пр. Прислуга нашего дома состояла изъ повара Адама и горничной Аннуса, вывезенныхъ матерью изъ Польши, лакея Никиты, мальчика-казаченка, столовой горничной, нашей няни, ея помощницы и экономки, бѣдной вдовы священника.

Кухня-поварская была отдѣльно отъ дома, во флигелѣ.

Въ нашемъ новомъ домѣ былъ большой залъ, выходившій однимъ рядомъ оконъ въ цвѣтники, другимъ — на зеленый лугъ и на дорогу. Простѣночныя зеркала, ломберные столы, рояль, хрустальная люстра составляли холодное и парадное ея убранство. Большая дубовая дверь вела изъ нея въ гостинную, откуда былъ выходъ

на террасу въ садъ черезъ большую округленную стеклянную дверь.

Въ гостиной стояла, какъ у насъ называлось: «англійская мебель»: три дивана, обитые темно-зеленымъ сафьяномъ, такія же кресла, наддиванное овальное зеркало, многочисленныя бра по стѣнамъ и чудесный въ цвѣтахъ коверъ, приданное моею матери.

Затѣмъ шли жилыя комнаты: спальня отца и матери, наша дѣтская, дѣвичья, кладовая, корридоръ, кабинетъ отца, буфетная, длинная столовая, лакейская. Къ стѣнамъ лакейской примыкали желтые сундуки. Тамъ хранились запасныя подушки, перины, теплыя мѣховыя бархатныя сапоги, боа, шубы и прежняя одежда: мундиры, треуголки, шпаги и всякія ненужныя вещи. Все это было пересыпано перцемъ, какими то травами, такъ что въ лакейской всегда стоялъ какой то пряный запахъ. Затѣмъ шла прихожая съ выходомъ на парадное крыльцо на галерею.

Съ галереи открывался чудесный видъ на зеленые курганы и безбрежныя степи и поля.

Отецъ мой любилъ сидѣть при заходѣ солнца на этой галереѣ, играть на флейтѣ и ждать, когда прогонять мимо наши стада и по большому шляху пройдутъ косари, жнецы и дѣвчата нашей деревни. Въ красномъ маревѣ заходящаго солнца, шли они въ своихъ живописныхъ малороссійскихъ костюмахъ и пѣли свои удивительныя пѣсни Украины.

МОЙ ОТЕЦЪ.

У моего отца было типичное южно-русское лицо: темные волосы, большіе задумчивые сѣрые глаза съ черными бровями, большой прямой носъ и тонкія, извилистыя губы. На его портретѣ кисти художника Ярошенко, въ свое время выставленномъ въ Петербургской Академіи Художествъ, эта южно-русская красота особенно бросалась въ глаза. У всѣхъ дѣтей и даже нѣкоторыхъ внуковъ моего дѣда сохранился особый типъ лица и фигуры запорожцевъ, а можетъ быть и болѣе древній типъ южныхъ славянъ Кіевской Руси. Были они высоки ростомъ, стройны, съ особенной независимой осанкой. И не было у насъ въ роду ни широкихъ скулъ, ни вздернутыхъ носовъ, характерныхъ для жителей сѣвера Россіи.

Суровая военная дисциплина положила печать на личность отца, жившаго во время царствованія Николая Павловича. По странной ироніи судьбы, это, жестокое и неумолимое въ своей бездушной солдатчинѣ царствованіе, совпало

съ періодомъ восторженнаго и поэтическаго романтизма.

Мой отецъ былъ сыномъ своего времени и соединялъ въ себѣ эти, казалось, столь непримиримыя качества. Въ молодости военный, какъ всѣ дворяне, онъ преклонялся передъ самодержавной личностью Николая Павловича и служба въ Варшавѣ адъютантомъ графа Паскевича, относился пренебрежительно къ порабожденной Польшѣ и ея свободолюбію, что, впрочемъ, не помѣшало ему жениться тамъ же въ Варшавѣ на очаровательной полькѣ изъ извѣстной семьи Танскихъ.

Во время возстанія венгровъ мой отецъ участвовалъ въ походѣ для ихъ усмиренія и даже взялся прочесть смертный приговоръ повстанцамъ, когда мѣстный офицеръ отказался это сдѣлать.

И въ домашнемъ быту, мой отецъ былъ очень требователенъ и кромѣ моей матери и меня, его любимицы, всѣ трепетали передъ нимъ: братья, прислуга, крестьяне. И въ то же время уважали и особенно слушались его совѣтовъ. Отецъ былъ совѣтчикомъ для всѣхъ безъ разбора: къ нему пріѣзжали за совѣтомъ и помѣщики и крестьяне. Врагъ всякой благотворительности, также, какъ и пьянства, отецъ очень заботился о благосостояніи своихъ крестьянъ. Заводилъ у нихъ новыя сельско-хозяйственныя отрасли, удобрялъ ихъ землю, справедливо оплачивалъ хлѣбомъ ихъ трудъ и никогда не давалъ

разрѣшенія шинкарямъ открывать свою торговлю въ деревнѣ Криничной, несмотря на то, что самъ былъ пайщикомъ винокуреннаго завода сосѣда помѣщика Рейнбота.

На закатѣ своихъ дней, отецъ прїѣзжалъ съ Кавказа, куда онъ переселился послѣ своего разрыва съ нашей матерью, въ послѣдній разъ въ свою Криничную. Я получила оттуда характерное письмо отца, отрывокъ изъ котораго привожу дословно.

«Неоднократно крестьяне заявляли мнѣ, что настоящее ихъ положеніе далеко худшее, нежели то, когда я владѣлъ ими. Никогда теперь не бываетъ у нихъ столько хлѣба, сѣна, скотины, какъ бывало при мнѣ. Молодые люди, наслушавшись отъ стариковъ о «легендарномъ панѣ», сбѣжались посмотреть на него, какъ на нѣкое чудо.

Всѣ отъ мала до велика подходили ко мнѣ съ поклонами подѣ благословеніе и цѣловали мою руку. Многіе плакали навзрыдъ; а старики говорили, что только то и есть у нихъ хорошаго, что завелъ я, какъ то: вербы, лозы, капуста, картофель, свиньи, овцы; и та земля, которую я удобрилъ и теперь отличается замѣчательнымъ плодородіемъ.

Откровенно тебѣ скажу, что я былъ пораженъ такимъ отношеніемъ бывшихъ моихъ крестьянъ и думалъ, что это холопское прислуживаніе, фальшь; но поживъ между ними 2 недѣли, я убѣдился въ искренности ихъ чувствъ; всѣ

свои недоразумѣнія, не только общественныя и сосѣдскія, но даже семейныя, они отдавали на мой судъ; съ утра до вечера посѣщали мою квартиру и не было случая, чтобы не согласились съ моимъ рѣшеніемъ, — напротивъ, — считали его закономъ. Во все время не было ни одного пьянаго и ссору заводила только одна курноса Гапка Мигличенкова, за что и изгнана «аки песь смердящій».

Однимъ словомъ: если я и былъ обмануть, то обмануть пріятно...»

Часто отецъ бралъ меня съ собой на полевая работы. Особенно любила я ѣздить съ нимъ на молотьбу новаго урожая. Время это было страдное, жаркое въ работѣ.

Наспѣхъ выпивъ чаю, спѣшимъ мы съ отцомъ на крыльцо къ поданному кабріолету. Кучеръ Михайло подавалъ возжи, отецъ въ парусиновомъ пыльникѣ и соломенной шляпѣ, сѣлся въ кабріолетъ, я вскакивала на мѣсто рядомъ съ нимъ въ бѣлой мантильѣ, въ туго-накрахмаленномъ бѣломъ капорѣ, который назывался «фургономъ», и мы выѣзжали по зеленому лугу на Екатерининскій шляхъ и дальше мимо криницы и стараго сада въ поля, тянувшіяся на восемь верстъ до нашего села Соколки.

Хлѣбъ уже скошенъ косилками и желтыя копны его, какъ улы стоятъ на золотистой щетинѣ скошенныхъ полей. Жаворонки и чибисы весело шныряютъ повсюду и заливчато пере-

кликаются другъ съ дружкой. Поля густо пахнутъ скошенной соломой и зерномъ и дышать благодатнымъ довольствомъ.

Отецъ подѣзжаетъ къ высокимъ длиннымъ скирдамъ собраннаго хлѣба, что окружаютъ молотилку; рабочій въ вышитой рубахѣ и холщевыхъ штанахъ беретъ подъ узцы лошадь.

Я бѣгу отъ копны къ копнѣ, всовываю въ теплую хлѣбную соломѣ руку, выпугивая маленькихъ полевыхъ мышей... Набѣгавшись, иду къ группѣ; тамъ стоитъ мой отецъ, окруженный крестьянами около молотилки, гдѣ идетъ дружная, напряженная работа: молотилка стучитъ и не ждетъ — только подавай!

Палашка, любимица отца стоитъ на молотилкѣ и ловко подсовываетъ подъ барабанъ подаваемые ей снопы. Бѣлый платокъ низко спущенъ на лобъ и бросаетъ тѣнь на тонкое строгое лицо. Она не отрываясь работаетъ и только тонкія плечи подрагиваютъ подъ холщевой бѣлой рубашкой въ тактъ молотилкѣ. Отецъ видимо любитъ ея; глаза у него веселые и смотрятъ ласково; онъ такъ доступенъ, и — къ моей радости — крестьяне говорятъ съ нимъ не прииженно, какъ это я часто видала, а тоже весело, довольные трудами рукъ своихъ и съ гордостью оглядывая огромныя скирды, окружавшія молотилку.

Возвращались мы домой уже когда солнце садилось за курганами и они таинственно маячили на огненномъ небѣ. Мы вдыхали посвѣжившій

вечерній воздухъ полей, а отецъ вздыхая отъ полноты души шепталъ:

«Зеленый гай, веселый гай,
«Не наче справи рай».

Жуковскій и Лермонтовъ были его кумирами и подражая имъ, онъ писалъ много стиховъ. На склонѣ лѣтъ, уже въ Кисловодскѣ, я помню его въ кабинетѣ, увѣшанномъ восточнымъ оружіемъ, наклонившагося надъ тетрадкой своихъ стиховъ.

И еще была у него страсть къ цвѣтамъ и женщинамъ. Сосѣди говорили про него, что онъ помѣшался на цвѣтахъ, такъ много тратилъ онъ людского труда и заботъ на громадныя цвѣтники, особенно свои любимыя розы и георгины. Нашъ садъ съ прудами благоухалъ цвѣтами. Даже въ Кисловодскѣ, куда онъ уѣхалъ со своей возлюбленной Палагеей, отъ которой у него было нѣсколько дѣтей, онъ разбилъ большой цвѣтникъ, спускавшійся отъ дачи до рѣшетки Кисловодскаго парка. На дочерей Палагеи была возложена обязанность ухода за цвѣтами; старыя крѣпостныя отношенія остались: Палагея съ дѣтьми жила во флигелѣ, вела хозяйство фермы моего отца, дѣти носили ея фамилію и она не имѣла доступа въ его домъ.

По утрамъ, уже 70-лѣтнимъ старикомъ, отецъ отдавалъ ежедневно приказанія сдѣлать букеты цвѣтовъ, которые онъ преподносилъ своимъ пріятельницамъ, большею частью дочерямъ по-

мѣщиковъ Полтавской губерніи, которыя часто гостили у него на дачѣ и жили «на водахъ» въ Кисловодскѣ.

Помню прелестную блондинку съ карими глазами въ блѣдно-розовомъ шелковомъ платьѣ, ходившую каждое воскресенье съ отцомъ въ соборъ на обѣдню и двухъ быстроглазыхъ сестеръ амазонокъ, часто пріѣзжавшихъ обѣдать къ отцу послѣ верховыхъ прогулокъ съ офицерами въ горы, въ «Замокъ коварства и любви».

МОЯ МАТЬ.

Отецъ женился въ Варшавѣ на одной изъ пяти дочерей генерала Наполеоновской арміи 12-го года Викентія Танскаго и жены его урожденной Войшвилло. Всѣ пять дочерей были очень красивы и отецъ говорилъ, что не зналъ, какую выбирать. Выбралъ онъ Анжелику Викентьевну, типичную польку: блондинку, голубоглазую, эффектную и веселую.

Танскіе жили обыкновенно въ своемъ родовомъ имѣніи «Сwirны» Валькомірскаго уѣзда и городокъ Вилькоміръ построился на землѣ моего дѣда. Послѣ его смерти «Сwirны» перешли во владѣніе его сыновей Богуслава и Норберта. Первый поселился въ имѣніи и хозяйничалъ тамъ, а второй, Норбертъ, послѣ польскаго возстанія 61-го года, былъ высланъ на Кавказъ и тайкомъ, подъ конвоемъ, по ходатайству моей матери, заѣзжалъ по дорогѣ въ ссылку къ намъ въ Криничную на свиданіе со своей сестрой.

Въ Варшавѣ у моихъ родителей родился мой старшій братъ Вячеславъ. Къ этому времени мой отецъ сталъ получать письма изъ Кринич-

ной отъ своей матери Марины Ивановны, вызывавшей отца въ имѣніе. Бабушка писала, что стала стара, что ей не подѣ силу справиться съ имѣніями и просила отца пріѣхать домой и взять управленіе въ свои руки. Отецъ подалъ въ отставку и, — въ своемъ вѣнскомъ «дормезѣ» молодые, съ первенцемъ Вячеславомъ, двинулись изъ Варшавы въ далекую Полтавскую губернію, сопровождаемые подводами, нагруженными слугами и «добромъ» — приданнымъ матери.

Послѣ лучшаго французскаго пансіона, который окончила моя мать, кокетливой Варшавы и пышной обстановки Свирнскаго имѣнія, все показалось молодой Анжеликѣ Викентьевнѣ чуждо, некультурно, сѣро и глухо въ Криничной. Пока не выстроили себѣ новаго большого дома, молодые поселились въ старомъ бабушкиномъ, съ низкимъ заломъ, увѣшаннымъ чуждыми портретами, со стариннымъ клавесиномъ, старой простенькой жесткой мебелью, съ душными маленькими спальнями и запущеннымъ садомъ съ могилой дѣдушки.

Воспитанная на французскихъ романтикахъ и Мицкевичѣ, моя мать находила нашихъ помѣщиковъ увальнями, помѣщицъ не интересными, не свѣтскими, занятыми только своимъ хозяйствомъ. Угнетенное положеніе Польши, больное національное чувство не способствовали ея примиренію съ новой жизнью. Патріотическія чувства моя мать сохранила до своей смерти вмѣ-

стѣ съ презрѣніемъ къ Россіи, а отчасти и къ Малороссіи. Костюшко почитался въ семьѣ Танкихъ, какъ національный герой, и въ спальнѣ матери висѣлъ интересный портретъ ея тетки красавицы графини Платеръ, сыгравшей видную роль въ повстанческомъ движеніи въ Польшѣ. На портретѣ она написана въ бархатной черной конфедераткѣ, опушенной горностаемъ, съ черной кистью на боку и въ такой же душегрѣйкѣ. Вначалѣ мать почти не говорила по-русски, звала русскихъ «москалями» и «козаки съ батоми» и эти враждебныя чувства способствовали взаимному охлажденію отца и матери. Я помню какъ у насъ за столомъ въ Криничной, отецъ часто подтрунивалъ надъ Польшей, вродѣ того, что у польскаго «круля» голова оказалась мала и корона свалилась съ нея. Отецъ отлично владѣлъ польскимъ языкомъ и анекдоты рассказывалъ обыкновенно рифмуя съ присутимъ ему малороссійскимъ юморомъ. Мать мало реагировала на это и съ горделивымъ пренебреженіемъ относилась къ насмѣшкамъ отца.

Во время польскаго возстанія 61-го года моя мать ходила въ Криничной въ красной шелковой блузѣ «гарибальдйкѣ», съ черной блестящей цѣпью на шеѣ, эмблемой порабощенія Польши Россіей.

Дѣтьми она не интересовалась, тогда еще не пришло это время, и, даже, можно сказать, была къ намъ равнодушна, исключая своего стра-

стно-любимаго второго сына Всеволода или Всеволодко, какъ она его называла. Бракъ моихъ родителей окончился разрывомъ, но я помню на зарѣ моего дѣтства, еще въ бабушкиномъ домѣ, время ихъ семейнаго счастья; отца и мать, дружно обнявшихся, шедшихъ по старой ясеневой аллеѣ на постройку нашего новаго дома. И позже въ новомъ домѣ отецъ и мать вначалѣ жили очень дружно. Особенно я любила утренній чай на большой террасѣ новаго дома, выходящей въ цвѣтники. Мать, въ голубомъ капотѣ съ открытой шеей и руками, разливала чай, отецъ сидѣлъ напротивъ и ласково цѣловалъ ея руку, подававшую ему стаканъ чая. Обыкновенно отецъ ставилъ передъ приборомъ матери вновь распустившійся рѣдкій цвѣтокъ. Насъ приводила на террасу няня туго-причесанныхъ подъ гребенку; мы цѣловали руку отца и матери и чинно пили чай, сдерживая счастливое дѣтское веселье этихъ незабвенныхъ утреннихъ чаевъ. По вечерамъ мать часто играла съ отцомъ въ карты въ его кабинетѣ. Но это семейное счастье было недолговременно и оно скоро охладилось ссорами, отдаленіемъ другъ отъ друга, измѣнами съ обѣихъ сторонъ и наконецъ окончательнымъ разрывомъ.

Я помню, какъ начала тосковать въ Криничной моя мать, когда она, какъ звѣрь въ клѣткѣ часами, заложивъ руки за спину, ходила взадъ и впередъ между клумбами цвѣтовъ.

Душу всюю она отводила только со своими

пріятельницами: сосѣдкой Рейнботъ и женой окружного начальника Софронскаго, которую мать называла: «Ma chère Sophie».

Какъ полька, будучи свѣтской, гостепріимной хозяйкой, живая, по натурѣ веселая и кокетливая, она любила общество, приемы, балы и не любила вникать въ будничную трудовую обстановку сложнаго хозяйства нашего дома.

Въ нашихъ степяхъ стояли лагеремъ кавалерійскіе полки. Офицеры наполняли нашъ домъ, многіе по долгу жили въ бабушкиномъ домѣ, особенно ремонтеры, покупавшіе лошадей у отца.

Тогда оживалъ нашъ домъ, начиналось веселье и мать, нарядная, веселая, возбужденная, умѣла всѣхъ обласкать своей свѣтской непринужденностью и любезностью.

Днемъ ѣздили съ самоваромъ на пикникъ, а по вечерамъ мать играла на роялѣ, а офицеры пѣли тогдашніе чувствительные романсы.

Или играли въ карты... Въ лунныя душистыя ночи, нашъ благоухающій садъ былъ полонъ гуляющихъ гостей.

...Большой балъ у насъ давался ежегодно 4-го декабря въ день рожденія моего отца. На этотъ балъ съѣзжались помѣщики со всей округи. Въ лакейской, рядомъ съ заломъ, игралъ военный оркестръ, выписанный изъ Кобелякъ.

Музыканты садились со своими инструментами на желтые сундуки и музыка начиналась.

Балъ открывалъ отецъ мазуркой, обыкновен-

но съ Полиной Ювной Житовской, нашей сосѣд-
кой, большой своей пріятельницей.

Отецъ танцевалъ по военному и по старин-
ному: высоко приподнявъ плечи и хотя безъ
шпоръ, но четко отбивая тактъ ногами.

Болѣе молодые офицеры уже танцевали
плавно скользя по паркету.

Полина Ювна граціозно плыла рядомъ съ от-
цомъ въ бальномъ платьѣ съ треномъ, съ об-
наженными бѣлыми плечами и локонами на сво-
ей маленькой аристократичной головкѣ. Мать съ
гирляндой розъ черезъ плечо, въ бѣломъ тю-
левомъ платьѣ съ блестками, дѣлавшемъ ея не-
большую граціозную фигурку еще болѣе лег-
кой, танцевала прекрасно, обыкновенно съ офи-
церомъ, мазурку по польски, особенно...

«Ma chère Sophie» въ палевомъ платьѣ, такъ хо-
рошо отдѣнявшемъ ея итальянскую красоту, по-
чти каждый балъ сопровождала истерикой, такъ
какъ кажется ни одинъ балъ не проходилъ безъ
любовныхъ «исторій».

Въ такихъ случаяхъ моя мать вводила поблѣд-
нѣвшую, прелестную «Ma chère Sophie» въ свою
спальню и тамъ, за ширмой, на кровати, она
давала волю своимъ чувствамъ и слезамъ. Ро-
маны заполняли однотонную барскую жизнь на-
шихъ помѣщицъ и ихъ мужей. И надо отдать
справедливость Полтавской губерніи: она сла-
вилась своими красавицами.

Торопливо распахивалась дверь въ нашу

дѣтскую, и лакей кричалъ: «Барышня, платочекъ!»

Я уже ждала этого момента, такъ какъ все было приготовлено: въ сосѣдной спальней на туалетѣ лежалъ кружевной платокъ. Быстро схвативъ серебряный подносикъ съ кружевнымъ платочкомъ, я въ кисейномъ бальномъ платьѣ мигомъ бѣжала въ залъ, гдѣ посреди круга танцующихъ кавалеровъ сидѣла дама. Я подавала ей съ реверансомъ платочекъ, а она подбрасывала его вверхъ, и окружавшіе ее кавалеры ловили его, и одному изъ нихъ вмѣстѣ съ платочкомъ доставалось танцовать съ этой дамой; а меня подхватывалъ какой-нибудь офицеръ и кружилъ, къ моему удовольствію, по залѣ.

Мы изъ дѣтской слѣдили, какъ два лакея несли за поручни большую корзину съ серебромъ и накрывали въ нашей длинной столовой ужинъ на 80 кувертовъ.

Послѣ ужина были опять танцы до разсвѣта, когда ближайшіе помѣщики уѣзжали въ своихъ возкахъ домой, а дальніе и офицеры оставались ночевать у насъ въ бабушкиномъ домѣ.

Когда не было ни офицеровъ, ни баловъ, жизнь нашего дома протекала въ холодной, тяжелой атмосферѣ семейныхъ неладовъ. Отецъ тогда часто уѣзжалъ въ Крымъ или на Кавказъ, мать въ Польшу къ роднымъ.

Въ тѣ времена у насъ часто гостилъ одинъ офицеръ, артиллеристъ. Это былъ образован-

ный, мягкій человекъ, занявшій впоследствии большое мѣсто въ жизни матери. Мы, дѣти, любили его за ласковое и внимательное отношеніе къ намъ.

Далекая лѣтняя ночь встаетъ въ моей памяти. Въ нашемъ темномъ залѣ на полу лежатъ полосы луннаго свѣта и ночная свѣжесть вливается въ открытыя окна... Мать рука-объ-руку съ нимъ молча скользитъ по освѣщенному лунной паркету, а онъ тихо напѣваетъ: «Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу, и звѣзда съ звѣздою говорить...»

Офицерство того времени было культурно и романтично: кто рисовалъ, кто писалъ стихи, артиллеристы, кромѣ того, часто были прекрасные математики. Въ противоположность офицерству, чиновничество было забито и сѣро. Это были большею частью неудачники, находившіеся подъ постояннымъ гнетомъ начальства. Имъ нужно было прислуживаться, — «пролѣзть», что нарождало зависть и озлобленность. Именно таковъ былъ мужъ «*Ma chère Sophie*». Съ просѣдою, весь какой-то сѣрый, онъ ходилъ въ сѣромъ длинномъ сюртукѣ и за столомъ у насъ я не выносила его тяжелаго, злобнаго взгляда. Онъ былъ посланъ впоследствии въ Польшу и, говорятъ, снискалъ къ себѣ всеобщую ненависть своей черствостью.

Наши горничныя, отлично учитывая достоинство гостей и отношеніе къ нимъ господъ, завидя ѣдущихъ къ намъ штатскихъ изъ Кременчу-

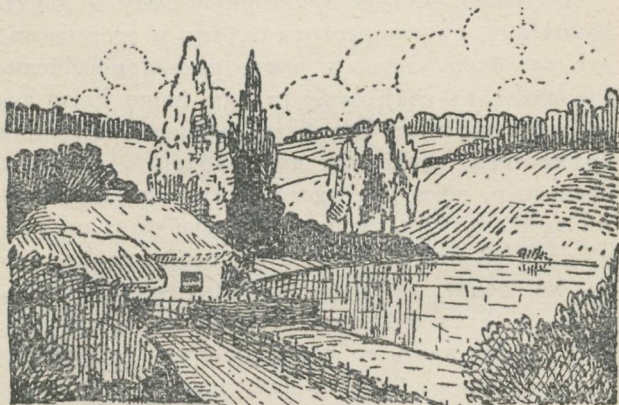
га, кричали матери: «Барыня, гости йдуть... та штафирки»...

Мать любила, чтобы вокруг нея было красиво, нарядно, и накупала много лентъ и серегъ у нашихъ разносчиковъ - венгерцевъ и одѣляла ими горничныхъ. Имъ запрещено было ходить въ платкахъ на головѣ: «и некрасиво, и плохо слышать», говорила мать.

Къ крестьянамъ мать относилась сочувственно: вникала въ ихъ нужды, жалѣла ихъ, и они охотно шли къ ней за помощью лѣкарствомъ, чаемъ и сахаромъ для больныхъ. Случалось, что она учила грамотѣ понравившихся ей дѣтей.

НАШИ КРЕСТЬЯНЕ.

Мнѣ было три года, когда наши крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости, но крѣпостные порядки и отношенія со-

хранялись у насъ очень долго. Такъ, вся прислуга у насъ въ домѣ попрежнему осталась та же. И связь господъ съ крѣпостными была настолько сильна, что вышедшая замужъ въ соседнее имѣнiе горничная, умирая старухой,

послала свою внучку къ моей матери съ просьбой похоронить ее на нашемъ кладбищѣ. Тамъ же былъ похороненъ и старый поваръ Адамъ, тосковавшій по Польшѣ не менѣе своей барыни. Среди нашихъ крѣпостныхъ было много одаренныхъ и оригинальныхъ людей. Нашъ лакей Никита, высокій, стройный, блѣдный, съ черными глазами, очень исполнительный и любимецъ матери, сперва былъ произведенъ въ приказчики, а потомъ вышелъ на волю, женился на нашей горничной Віркѣ и переселился къ себѣ въ деревню.

Въ свою чистую просторную хату о двухъ комнатахъ, съ вишневымъ садомъ и огородомъ, гдѣ все было уютно и чисто по-малороссійски, онъ взялъ къ себѣ нашу старую няню Устю доживать свой вѣкъ. Эта Устя, бывшая бабушкина крѣпостная, красавица въ молодости, прожила несчастно, какъ это часто бывало съ дворовыми крѣпостными, свою жизнь. Бабушка не разрѣшила ей выйти замужъ за любимаго человека, не желая лишиться ея опытныхъ ловкихъ рукъ, и Устя осталась вѣковушею до смерти. Она примирилась со своей участью, всю жизнь прожила бокъ-о-бокъ съ бабушкой, а потомъ съ нами, и, умирая, просила похоронить ее въ ногахъ у бабушки.

Никита привыкъ къ красотѣ нашего дома и, переѣзжая къ себѣ въ хату, выпросилъ у матери много картинъ изъ стараго бабушкинаго дома. Мы, дѣвочки, часто бывали въ хатѣ Никиты и

Усти — нашей любимой няни, — и всегда любовались чистотой и уютomъ ихъ жизни. Когда мой отецъ уѣхалъ изъ Криничной на Кавказъ, Никита поѣхалъ съ нимъ и погибъ тамъ отъ чахотки.

Главнымъ кучеромъ у насъ былъ Михайло, силачъ и кудрявый красавецъ, какъ это полагалось кучерамъ. Зналъ онъ безконечное множество малороссійскихъ пѣсень и пѣлъ онъ ихъ такъ чудесно своимъ пріятнымъ баритономъ, что мы, сидя на террасѣ за вечернимъ чаемъ, заслушивались, очарованные.

«Ой, була зима та холодная
А не бачили леду,
Якъ наважусь я йти до дивчаны,
То перебреду и воду»...

Онъ пѣлъ, а отецъ тихонько вторилъ ему.

Когда къ намъ пріѣзжали гости, Михайло проводилъ передъ ними нашихъ лучшихъ лошадей, на лугу передъ галлереей, гдѣ сидѣли гости. Однажды онъ вывелъ грознаго и злого «Англичанина»; «Англичанинъ» вздыбился, Михайло повисъ своимъ сильнымъ тѣломъ на уздѣ, смирилъ его, но получилъ грыжу, и отецъ отослалъ его въ Харьковъ на операцію. Этотъ Михайло былъ удивительный рассказчикъ, юмористъ, какъ многіе малороссы, и, дѣлая доклады отцу, позволялъ себѣ нѣкоторыя вольности. Такъ, онъ рассказывалъ много, о чемъ онъ

слышалъ въ кухняхъ сосѣднихъ помѣщиковъ. И я видѣла, какъ отецъ, пристально смотря въ хозяйственную книгу, старался удержать улыбку, слушая Михайлу.

Въ моментъ паденія крѣпостного права въ нашей деревнѣ были большія волненія. Народъ почувствовалъ вдругъ силу и обаяніе свободы, напримѣръ, свободы передвиженія, и въ немъ вспыхнули его вѣковѣчныя желанія и мечты о землѣ и волѣ. Воплотителемъ этихъ вольныхъ и фантастическихъ стремленій былъ нашъ старшій овчаръ (чабанъ) Василій, прозванный Василь-Волей; подъ этимъ именемъ онъ и остался до конца дней своихъ. Василь-Воля, молодой парень съ русыми кудрями и мечтательными голубыми глазами, рассказывалъ намъ, дѣвочкамъ, своимъ пріятнымъ мелодичнымъ голосомъ о «бѣлыхъ водахъ» въ «теплыхъ странахъ», и было видно, что онъ живетъ не реальной, а фантастической жизнью.

Когда рухнуло крѣпостное право, и освобожденные крестьяне должны были получить свои надѣлы земель, наши крестьяне деревни Криничной отказались отъ этихъ надѣловъ и, подъ предводительствомъ Василь-Воли, почти вся деревня снялась со своихъ насиженныхъ мѣстъ и ушла съ нимъ искать новой счастливой жизни, какъ они говорили, «на бѣлыхъ водахъ». Тамъ они и надѣялись получить земли сколько захотятъ, жить безъ начальства, «на своей волѣ»...

Мировой посредникъ Остроградскій, либераль и защитникъ интересовъ крестьянъ, пріѣхалъ въ Криничную спеціально уговаривать крестьянъ не отказываться отъ надѣловъ, не бросать родныхъ мѣстъ, но отвратить уходъ крестьянъ ему не удалось. Отецъ предоставилъ Остроградскому уладить это дѣло и болѣе не вмѣшивался въ него.

Когда Василь-Воля и крестьяне, ушедшіе съ нимъ, вернулись обратно на свои старыя мѣста, въ Криничную, — не найдя на Кавказѣ, куда они ходили, ни «бѣлыхъ водъ», ни привольной земли, они осѣли на нищенскій четвертной надѣлъ, такъ какъ по закону не получившій вовремя полного надѣла получалъ четвертной...

Я помню Василь-Волю, когда на его обязанности лежала топка печей нашего дома.

Сидя передъ пылавшими печами въ нашемъ большемъ корридорѣ, онъ намъ, дѣтямъ, трогательно рассказывалъ о домашнихъ животныхъ и дикихъ звѣряхъ, которыхъ онъ наблюдалъ всю свою жизнь.

Такъ, онъ говорилъ намъ, что каждая овца имѣетъ среди своихъ собратьевъ собственное имя и по вечерамъ, когда стадо загоняется въ огромную кошару, овцы переговариваются другъ съ другомъ, только люди ихъ не понимаютъ. Подходить, напримѣръ, овца къ барану и спрашиваетъ его: «Юхимъ (Ефимъ), ты спишь?» «Ни, Присьма», отвѣчаетъ онъ, и между овцами идетъ тихій разговоръ, пока они жуютъ сѣно и полову и не засыпаютъ.

СОСЪДИ-ПОМЪЩИКИ.

Много лѣтъ спустя, глубокимъ старикомъ, уже въ царствованіе Александра III, когда начался распадъ дворянскихъ усадебъ, отецъ мнѣ писалъ о помѣщичьемъ бытѣ:

«Вспоминая прошлую помѣщичью жизнь, чувствуешь, что тамъ было нѣчто особенное, не похожее ни на чиновничью - городскую, ни на купеческую обстановку; то, чего ужъ нѣтъ, не воротится и что трудно объяснить, какъ запахъ цвѣтка... Что же это такое, неуловимое, охватывающее всякаго попавшаго въ этотъ особый міръ? Это настроеніе, помѣщичій духъ, обволакивающій всякую помѣщичью усадьбу».

Мы со всѣхъ сторонъ были окружены помѣщиками. Рядомъ, даже продолженіемъ нашего сада, была усадьба «Генераловка», двоюроднаго брата моего отца.

Во время Запорожской Сѣчи это было одно имѣніе съ нашимъ, а затѣмъ оно отдѣлялось отъ нашей Криничной только греблей — плотиною черезъ прудъ.

Изъ парка мы видѣли и запущенный садъ

нашего сосѣда, и его скромный домъ. А между тѣмъ, двоюродный братъ отца былъ очень богатъ: онъ занималъ какое-то большое доходное мѣсто по управленію Крымомъ, имѣлъ соляные промыслы, былъ необыкновенно скупъ и мало заботился о благосостояніи своихъ крестьянъ. Онъ служилъ тѣмъ раздражающимъ элементомъ для моего отца, который былъ такъ необходимъ въ монотонной усыпляющей жизни помѣщика. Одно изъ неизмѣнныхъ занятій нашихъ помѣщиковъ были ихъ безконечныя тяжбы и суды съ сосѣдами. Мой отецъ часто судился и мирился со своимъ двоюроднымъ братомъ. Во время тяжбы наши дѣвчата и хлопцы выходили на греблю и «дражнили» генераловцевъ:

«Генераловцы, дурны вивці,
Спекли чорта на тарелицѣ,
А мы кажемъ: «Дайте й намъ!»
Воны кажуть: «Мало й намъ»».

Генераль писалъ доносы на моего отца за то, что онъ ходилъ зимой по хозяйству въ полушубкѣ и запустилъ бороду, что запрещалось въ николаевское время дворянамъ и за что генераль называлъ отца вольтеріанцемъ.

Отецъ не оставался въ долгу и, говоря о скупости генерала, рассказывалъ, какъ тотъ, нанимая лакея, давалъ ему 3 рубля жалованья и прибавку: «А что украдешь, то будетъ твое». А чтобы украсть было нечего, онъ, на примѣръ,

закрывая сахарницу, сажалъ туда муху для контроля: если муха улетитъ, значитъ сахарницу кто-то открывалъ, и т. д.

Нашъ домъ былъ отъ его усадьбы въ двухъ верстахъ, не болѣе, но въ периодъ мира генераль ъздилъ къ намъ въ гости «четверней», съ фореиторомъ и лакеемъ. «Это для того, чтобы кормить людей и лошадей у меня....» — говорилъ отецъ.

Жена генерала была другого склада: прелестная, съ утонченнымъ вкусомъ, образованная, она была большой пріятельницей мсей матери и крестной моего брата Всеволода. У нихъ была единственная дочь, наследница ихъ огромнаго состоянія, окончившая Полтавскій институтъ и вышедшая замужъ за генерала М. Генеральша не любила имѣнія «Генераловку» и жила большей частью въ своемъ большомъ домѣ въ Кременчугѣ на Соборной площади.

Далѣе шло большое и запущенное имѣніе князей Ратіевыхъ, жившихъ открыто и шумно. Имѣніе было заложено, крестьяне бѣдны. Ихъ единственная больная дочь вышла замужъ за сосѣда, небогатаго помѣщика Варунова, красавца-моряка, воспитателя Кадетскаго корпуса въ Полтавѣ.

Рядомъ съ этими примитивными въ хозяйственномъ отношеніи имѣніями, приходившими уже въ упадокъ, простиралось большое модернизированное въ промышленномъ отношеніи имѣніе Рейнботъ. Трубы ихъ большого винокурен-

наго завода такъ не шли къ тихому облику нашихъ хлѣбныхъ полей! Рейнботы были очень культурны, вели широкой образъ жизни, имѣніе ихъ было перезаложено, и они были въ долгу, какъ въ шелку. Рейнботы выдали замужъ свою дочь за пріемнаго сына богатой старухи-помѣщицы Гавриленко, жившей очень замкнуто въ своемъ имѣніи «Озерахъ». «Озеры» были административнымъ центромъ нашей округи: тамъ была церковь, волостное правленіе, куда пріѣзжали старосты сосѣднихъ деревень, тамъ былъ судъ и всегда толпилось много народа. Старуха Гавриленко изрѣдка выѣзжала помпезно шестерней съ фореиторомъ мимо нашего дома по Екатерининскому шляху въ имѣніе Рейнботъ. Женитьба ея пріемнаго сына Бутовскаго поправила, но ненадолго, денежные дѣла Рейнботовъ. Бутовскій и дѣти Рейнбота вскорѣ покинули Полтавскую губернію для большой административной карьеры въ Петербургъ и Москвѣ.

За имѣніемъ Рейнботовъ шло большое имѣніе «Козельщина» Павла Ивановича Козельскаго, потомка запорожцевъ. Огромный, грузный и красивый, съ отпущенными длинными запорожскими усами, не женатый, онъ былъ извѣстенъ въ округѣ своими многочисленными романами, отъ которыхъ у него было 7 человекъ дѣтей, носившихъ материнскія фамиліи. Эти дѣти жили вмѣстѣ съ нимъ въ его большомъ и нарядномъ двухэтажномъ амфирномъ домѣ, настоящемъ му-

зеѣ стариннаго оружія и серебра запорожскихъ, турецкихъ и болѣе древнихъ племень южной Руси. Самъ онъ жилъ внизу своего дома, а дѣти помѣщались въ обширныхъ низкихъ антресоляхъ — наверху.

Своихъ дочерей онъ выдавалъ замужъ съ большимъ приданнымъ. Одна изъ нихъ вышла за гр. Капниста, была съ нимъ несчастлива, разошлась, и за него вышла другая дочка, Катюша, красивая, милая дѣвушка.

Необыкновенное событіе заставило говорить о «Козельщинѣ» всю Украину и увѣковѣчило ея имя.

Одна изъ дочерей Павла Ивановича много лѣтъ лежала въ своей горенкѣ наверху, въ антресоляхъ, въ параличѣ. И случился пожаръ въ ихъ домѣ. Въ суматохѣ дѣвушку забыли, и она была оставлена одна, безпомощная, въ своей постели. Въ отчаяніи, она схватила старинный образъ Божьей Матери и вдругъ почувствовала въ себѣ необычайную силу, встала съ постели и, держа икону въ рукахъ передъ собой, вышла изъ горящаго дома. Народъ, собравшійся на пожаръ, и домашніе, увидѣвши ее, на ногахъ, несущую икону, были потрясены этимъ чудомъ, а Павелъ Ивановичъ, въ ознаменованіе этого событія, основалъ монастырь съ извѣстной всей Малороссіи чудотворной иконой Козельщанской Божьей Матери. Излѣчившаяся такимъ образомъ дочь Павла Ивановича посвятила всю свою жизнь этому монастырю, который сталъ

очень быстро расти. Мой отецъ тоже принималъ участіе въ основаніи этого монастыря.

Ближайшими сосѣдями съ другой стороны нашего имѣнія были старики Кащенко, очень состоятельные люди, богомольные, выстроившіе нарядную церковь въ своемъ имѣніи Улиновка. Это прелестное имѣніе, окруженное безконечными хлѣбными полями, рощами и садочками уютнаго села Улиновки, спускалось къ голубымъ прудамъ съ зелеными берегами.

Одноэтажный бѣлый домъ съ колоннами утопалъ въ зелени парка, спускавшася къ пруду. Это была необыкновенно поэтическая усадьба.

Любовь Андреевна Кащенко, когда-то красивая, въ послѣдствіи располнѣвшая женщина, была моею крестной матерью, и когда мы бывали въ ихъ церкви, какъ ближайшей (наша приходская церковь въ Соколкахъ была гораздо дальше), моя крестная брала меня къ себѣ послѣ обѣди. Помню большой залъ съ блестящимъ паркетомъ, безшумнаго лакея, чинный обѣдъ съ молчаливыми хозяевами и ихъ пріемной дочерью Наташей. Необычайная тишина царила въ домѣ послѣ обѣда, когда всѣ расходились по своимъ спальнямъ. Я забѣгала въ гостиную; тамъ, въ углу около дивана возился недружелюбно старый зеленый попугай; забѣгала въ дѣвичью, но и тамъ было тихо, и дѣвушки, не поднимая головы, сидѣли у оконъ и вышивали въ пальцахъ. Къ чаю выходила Любовь Андреевна и

садилась въ кресло со своимъ нескончаемымъ вязаніемъ, а у ногъ ея ложилась ея любимая болонка, предметъ ея заботъ и развлеченій. Случалось, что отцу некогда было посылать за мной лошадей, и я поневолѣ оставалась ночевать въ Улиновкѣ. Когда темнѣло, мы выходили на террасу — вечерничать. Бѣлѣли колонны въ сумеркахъ тѣнистаго парка, дорожки были вычищены и пустыньны, доносилось кваканье лягушекъ изъ пруда, и кукушка грустно куковала, будто предрекая что-то печальное именно мнѣ. Тоскливо прислушивалась я къ далекимъ звукамъ: не звенятъ ли колокольчики и не подѣзжаютъ ли желанныя наши лошади за мной? Дома меня ждали мои сестры, наша любимица-няня Устя и привольное житье нашей дѣтской.

Спала я въ комнатѣ у Наташи на маленькомъ стеганомъ диванчикѣ, обитомъ такъ же, какъ и кресла, бѣлымъ ситцемъ съ букетиками васильковъ. Въ большой спальнѣ было много рабочихъ и туалетныхъ столиковъ, той маленькой мебели краснаго дерева, которая придавала особый уютъ старымъ помѣщичьимъ домамъ.

Грустная и одинокая была жизнь Наташи; старики жили очень замкнуто, мало принимали гостей, оба были нелюдими и кромѣ церкви почти не выходили изъ своей усадьбы. Наташа, на которой лежало много хозяйственныхъ заботъ, пополняла свое одинокое существованіе книгами и музыкой. И то, и другое служи-

ло пищей ея мечтательной неудовлетворенной души. Она тосковала, и ея тоска была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ упоительнѣе была красота ея окружавшей природы.

По вечерамъ она играла тѣ мелодичныя, расплывчатыя пьесы, которыми была такъ богата наша русская музыка до появленія «кучкистовъ». Я очень любила, когда Наташа по вечерамъ играла «Ночь въ Березовкѣ», гдѣ простенькая мелодія такъ удивительно передавала лѣтнюю дрему, гдѣ куковала тоскливо кукушка, и все постепенно засыпало въ томъ безмятежномъ снѣ, въ которомъ спали тогда помещицы усадьбы.

Милое лицо Наташи, обыкновенно замкнутое и затуманенное думами, мѣнялось за роялемъ: ея лучистые черные глаза вспыхивали какимъ-то грознымъ блескомъ.

Однажды, засыпая у нея въ комнатѣ, я видѣла, какъ горячо молилась Наташа передъ желтымъ огонькомъ лампадки темнаго образа, потомъ вдругъ встала и, нервно заплетая и распуская свои тонкіе темные волосы, подошла къ окну, опустилась на кресло, положила голову на подоконникъ и долго лежала неподвижно. Я боялась, не плакала ли она. Теплый лѣтній вѣтерокъ тихо шевелилъ кисейныя бѣлыя занавѣски открытаго окна, а изъ парка вливалось восхитительное пѣнье соловья и, казалось, даже темный садъ слушалъ его, зачарованный.

Молодежь русскихъ усадебъ разными путя-

ми искала выхода своей тоскѣ и неудовлетворенности бездѣятельной жизнью. Наташу ея безпредметная тоска погубила. Она уѣхала въ Кіевъ, сперва поступила въ Печерскую Лавру послушницей, а потомъ ее видѣли «пѣвичкой» въ какомъ-то шикарномъ кабакѣ.

За Улиновкой, уже далеко отъ насъ, находилось имѣніе «Просяниковка» Потоцкихъ, хорошее имѣніе, черноземное, какъ большинство Полтавской губерніи.

Великимъ шляхомъ ѣдемъ мы въ Просяниковку къ Потоцкимъ. Застоявшаяся четверка лошадей весело подхватываетъ просторное ландо и, миновавъ древнія могилы, мельницу и кладбище, спускается съ горы въ безконечныя хлѣбныя поля. По обѣимъ сторонамъ дороги волнуются нивы золотой пшеницы, серебристые колосья ржи вперемежку съ поникшими метелками проса, кистями овса и гречихи. Мы ѣдемъ молча, убаюканные мѣрнымъ покачиваніемъ экипажа, а выпорхнувшей изъ хлѣбовъ жаворонокъ стрѣлой поднялся къ небу и тамъ, въ голубой высотѣ, заливается звонкой пѣсней. Въѣзжаемъ въ тѣнистый «гай» клена, дуба, ясеня. Кучеръ Михайло снялъ шапку навстрѣчу свѣжему вѣтерку и далъ волю лошадямъ.... За «гаемъ» разстилается баштанъ. Арбузы, желтыя дыни, громадныя тыквы выпираютъ къ самой дорогѣ. Отъ сторожевого куреня идетъ дѣдъ-баштанникъ. Онъ долго изъ-подъ козырька руки

всматривается и, узнавъ Михайлу и нашихъ лошадей, кланяется, провожая насъ кроткой старческой улыбкой. И опять хлѣбныя, золотыя поля... Наконецъ, подъѣзжаемъ къ дому. Горничная уже выбѣжала на крыльцо и ведетъ насъ въ прохладную запасную комнату умыться и оправиться съ дороги. Изъ столовой доносится звонъ приборовъ и посуды, тамъ старшая дочь Саша отдаетъ приказанія. Веселая привѣтливая хозяйка Анна Петровна встрѣчаетъ насъ въ залѣ съ поцѣлуями, а другая дочь, Мари, высокая стройная брюнетка, съ прищуренными задумчивыми глазами, встрѣчаетъ насъ въ столовой. Къ обѣду являются изъ своего флигеля мальчики, здоровые, милые кадеты, съ которыми мы, когда стемнѣетъ и зажгутъ свѣчи въ люстрѣ, иногда танцовали подъ игру Мари. Эта Мари имѣла большое впоследствии вліяніе на меня и моихъ сестеръ. Долгое время воспитывавшаяся дома вмѣстѣ со своей сестрой у м-ль Каролинъ, красивой, раздражительной и чахоточной француженки, она затѣмъ поступила въ Полтавскую гимназію и по окончаніи ея уѣхала въ Швейцарію учиться медицины. Это была первая ласточка, улетѣвшая изъ нашихъ краевъ. Въ Швейцаріи она встрѣтилась съ Вѣрой Фигнеръ, но не примкнула къ ея кружку «Земля и Воля», а ударилась въ анархизмъ, была близка къ бакунинцамъ, затѣмъ пріѣхала въ Петербургъ и вскорѣ была арестована, что было въ то время большимъ

скандаломъ въ нашей средѣ. Объ этомъ говорили между собой только близкіе люди, шопотомъ. Она была одна изъ первыхъ носительницъ новыхъ общественныхъ стремленій, дошедшихъ и до нашихъ самобытныхъ угловъ. Мы взяли за Писарева, Чернышевскаго, и новыя, тревожныя мысли о судьбѣ крестьянъ заполнили нашу душу.

Однажды отецъ взялъ меня съ собою въ наше имѣніе Перегоновку, рядомъ съ Соколками, въ 18 верстахъ отъ нашего дома. Перегоновка была прелестнымъ лѣснымъ имѣніемъ на берегу рѣки Ворсклы. Называлось оно такъ потому, что издавна лѣтомъ передъ стрижкой овецъ тутъ перегоняли съ одного песчаного берега на другой стада овецъ для мытья ихъ шерсти.

Барановъ мыли, держа за рога, мужчины, овецъ — женщины. Эта процедура занимала нѣсколько дней, и мы съ отцомъ ночевали или въ палаткахъ, или у зажиточнаго казака Федьки, нашего бывшего ключника. Федька былъ чудесный пѣвецъ съ прелестнымъ теноромъ, жилъ въ Соколкахъ, гдѣ основалъ хоръ при нашей приходской церкви.

Когда рабочіе по вечерамъ кончали мытье овецъ, они раскладывали костеръ на берегу Ворсклы, варили борщъ-кулешъ и картофель. Весело трещали сучья костровъ, и красноватое пламя отражалось, пылая, въ темной водѣ Ворсклы. Кажется, нигдѣ въ Россіи нѣтъ тако-

го удивительнаго звѣзднаго неба, какъ въ Малороссіи.

Я сидѣла у костра и читала крестьянамъ «Катерину» Шевченко, Некрасова и пр. Они слушали съ большимъ интересомъ и особенно восхищались «Катериной»... А потомъ, послѣ ужина, явился Федька со своей скрипкой и товарищами-перегоновцами съ гармоніей и начались пѣсни и пляска около догорающихъ костровъ.

Мы съ отцомъ любовались этой картиной, и отецъ мнѣ говорилъ: «Доля ты русская, долюшка женская, врядъ ли тяжело сыскать...» А вотъ посмотри, кто веселѣе и счастливѣе живетъ: они или мы?»

Я молчала, но въ глубинѣ души чувствовала, что правда на нашей, «молодой сторонѣ».

Въ трехъ верстахъ отъ нашего имѣнія «Криничная» жилъ крупный помѣщикъ Житовскій, изъ запорожцевъ, нашъ дальній родственникъ. Сильвестръ Павловичъ Житовскій, старый, грузный, съ умнымъ отекившимъ лицомъ, былъ отличнымъ хозяиномъ и большимъ пріателемъ моего отца. Что соединяло ихъ — не знаю, но одно время Сильвестръ Павловичъ почти каждый день ѣздилъ къ моему отцу съ газетами, и тогда они до разсвѣта сидѣли сперва въ столовой, а потомъ перебирались въ кабинетъ, и говорили тамъ о политикѣ. Это было какъ разъ время франко-прусской войны 71-го года.

Помѣщики въ то время мало интересовались внутренними вопросами Россіи, но зато отлично разбирались въ европейскихъ дѣлахъ.

У насъ пользовался большимъ авторитетомъ Бисмаркъ и пренебреженіемъ Наполеонъ III, хотя симпатіи общества были на сторонѣ Франціи. Разгромъ ея Германіей всѣ предвидѣли. Помѣщики выписывали тогда «Московскія Вѣдомости» Каткова. Сильвестръ Павловичъ былъ женатъ на молодой, очень красивой женщинѣ, Полинь Іовнѣ, изъ обѣднѣвшей помѣщичьей семьи.

Въ ея высокой тонкой фигуркѣ съ опущенной темной головой, въ молчаливомъ вниманіи, съ которымъ она слушала васъ, видна была ея скрытность, гордая сдержанность и сложная внутренняя жизнь. Не знаю, раздѣляла ли она любовь и преклоненіе моего отца, посвятившаго ей поэму «Ундина», написанную въ честь ея стихами, въ подражаніе Жуковскому.

Мы часто ѣздили съ отцомъ къ Житовскимъ, къ ихъ дѣтямъ, живому, красивому Генѣ и маленькой Манѣ. Однажды, гуляя у нихъ у пруда, мы были напуганы змѣей, побѣжали обратно къ бѣлой террасѣ ихъ дома и не найдя тамъ взрослыхъ, бросились къ двери гостиной, распахнули ее и сразу стихли. Полина Іовна стояла у окна и быстро отняла платокъ отъ рта, а отецъ сидѣлъ въ креслѣ въ необычно для него

безнадежной позѣ, низко опустивъ голову на руки. Притихшіе, толкая другъ друга, мы поспѣшили вернуться на террасу. Мы почувствовали, что имъ не до насъ.

УЪЗДНЫЙ ГОРОДЪ.

Въ широкой равнинѣ расползся нашъ степной уѣздный городъ Кобеляки. Издали, какъ будто это и не городъ: такіе же низенькіе дома подъ сѣрыми камышевыми крышами, какъ въ нашемъ волостномъ селѣ Озерахъ или же въ нашей Соколкѣ.

Жарко. Солнце будто въ раздумьи остановилось передъ закатомъ и поливаетъ своими лучами и наше запылившееся лакированное ландо и посѣрѣвшую отъ пота взмыленную четверку лошадей. Скорѣй бы умыться и напиться чего-нибудь холоднаго... Здѣсь все извѣстно, а все же интересно посмотреть на жизнь, совсѣмъ не похожую на нашу криничанскую.

У въѣзда въ городъ бѣлый домъ подъ зеленой крышей съ темнымъ садомъ и узенькимъ цвѣтникомъ у самой дороги. У открытаго окна бывшій предводитель дворянства, по обыкновению, читаетъ романъ; онъ приподнялъ сѣдую голову и раскланивается, отвѣчая на наши привѣтствія.

Кучеръ Михайло, полуобернувши голову,

спрашиваетъ равнодушнымъ тономъ: «Куда прикажете заѣхать? Къ Еленѣ Федоровнѣ?» Отецъ согласенъ. «Ну, къ Еленѣ Федоровнѣ.» Мать, видимо, недовольна. Ей хотѣлось бы къ «Ma chère Sophie». Тамъ собираются артиллеристы, офицеры изъ раскинувшагося подъ городомъ лагеря, и дамы мѣстнаго общества. Отецъ предпочитаетъ свободную независимую квартиру въ низенькихъ бѣленькихъ комнаткахъ словоохотливой Елены Федоровны, которая все знаетъ и съ наслажденіемъ расскажетъ всѣ новости. Михайло доволенъ: его любезно угоститъ Елена Федоровна и займется имъ, спрашивая о криничанской жизни господскаго двора. И лошадамъ будетъ хорошо подъ навѣсомъ большого сарая въ заросшемъ огородѣ. Намъ, дѣтямъ, вездѣ весело, интересно.

Елена Федоровна аккуратно умываетъ и поправляетъ нашъ туалетъ — надо отправляться въ магазинъ Зельмана.

Въ большомъ домѣ на площади, въ прохладномъ нижнемъ этажѣ, помѣщается бакалейная торговля. Чего-чего только тамъ нѣтъ! И конфеты, и орѣхи; вина все заграничныя, икра, сардины, голландскій сыръ, и громадныя синія головы сахару, какъ солдаты, караулятъ вкусную выставку.

Пока мама дастъ заказъ на провизію, отецъ бесѣдуетъ, сидя въ кругу знакомыхъ. Это клубъ для пріѣзжающихъ помѣщиковъ и чиновниковъ уѣзднаго города. Пьютъ Vin de Grave, закусы-

вають и бесѣдуютъ на всякія темы — хозяйственныя и политическія. Почтенный хозяинъ, еврей Зельманъ, встрѣчаетъ прїѣзжихъ низкимъ поклономъ. Конечно, онъ всѣхъ знаетъ и обо всѣхъ дѣлахъ въ уѣздѣ можетъ дать самыя точныя свѣдѣнія. Старшій его сынъ Аронъ — факторъ по закупкѣ пшеницы — объѣзжаетъ всѣ помѣщичьи имѣнія.

Пора ужъ уходить, съ бульвара доносится маршъ военнаго оркестра.

Сразу стало прохладнѣе, надвигались сумерки, на бульварѣ ежедневно по вечерамъ гулялъ весь городъ. И если бы не было этого бульвара съ фонарями среди вѣтокъ бѣлой акаціи, съ обычными зелеными скамейками и съ полковыми музыкантами, какъ существовало бы кобелякское общество?

Маленькій захолустный уѣздный городъ живетъ своими обычаями, привычками и правилами.

Уѣздное общество разбито на очень опредѣленные разграниченные кружки, живущіе своими интересами. Они сходятся и соприкасаются другъ съ другомъ въ торжественные дни и въ экстренныхъ случаяхъ—въ соборѣ на праздникахъ, на свадьбахъ, именинахъ и обмѣниваются визитами; но въ повседневной интимной жизни собираются люди только своего общества, ограниченнаго круга. Вырабатываются кружковые вкусы, свои требованія, свои термины, любимая музыка, романсы, книги игры и раз-

влеченія. Даже опредѣленные мѣста на бульварѣ. Когда зажглись фонари, на бульварѣ показалась Юлія Гавриловна Каменцова, подъ руку съ артиллеристомъ. Музыканты сейчасъ же заиграли попури изъ оперъ, и Юлія Гавриловна въ вышитомъ батистовомъ платьѣ со своимъ всегдашнимъ кавалеромъ плавно шла вдоль бульвара.

Домъ доктора Каменцова считался въ числѣ немногихъ избранныхъ.

Судьба Юліи Гавриловны была на глазахъ у всѣхъ, и какъ все, чѣмъ интересовались обыватели, доподлинно извѣстна.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кобеляки пріѣхалъ городской врачъ Каменцовъ. Его сразу оцѣнили, какъ знающаго доктора, и онъ быстро сталъ извѣстенъ не только въ городѣ, но и въ имѣніяхъ помѣщиковъ. Посѣщая заболѣвшую Елену Васильевну Малеванную, крупную помѣщицу, ему часто приходилось видѣть ея воспитанницу Уляшу, хозяйничающую и ухаживающую за больной. Ловкая сообразительная дѣвушка понравилась Каменцову и онъ спросилъ ее — согласна-ли она выйти за него замужъ. Уляша съ радостью приняла предложеніе доктора, а Елена Васильевна тоже была довольна, что пристроила сироту. Выйдя замужъ и переѣхавши въ городъ, Юлія Гавриловна была счастлива, у нихъ родилось двое дѣтей. На глазахъ у всѣхъ Юлія Гавриловна сразу развилась и похорошѣла. Высока-

го роста, хорошо сложенная съ карими глазами и волнистой черной косою, Юлія Гавриловна Каменцова стала неузнаваема. Веселая, привѣтливая въ обществѣ, она развилась и умственно, интересовалась литературой и производила впечатлѣніе культурно воспитанной женщины. Домъ Каменцовыхъ посѣщали помѣщики и артиллерійскіе офицеры. Чаше другихъ навѣщаль ихъ артиллеристъ Х., у котораго вскорѣ завязался романъ съ Юліей Гавриловной. Она не скрывала своей любви отъ мужа. А докторъ Каменцовъ разсудилъ по своему: Юлія Гавриловна осталась только хозяйкой и матерью двухъ его дѣвочекъ, а сердце ея принадлежало уже другому. Артемій Григорьевичъ сразу измѣнился: это не былъ спокойный уравновѣшенный докторъ, къ которому у насъ относились съ боязливымъ уваженіемъ. Теперь онъ сталъ грустный, замкнутый. Кстати сказать, это былъ, кажется, единственный человѣкъ, котораго съ уваженіемъ и вниманіемъ слушалъ мой отецъ, и отчасти ему я обязана своей поѣздкой на курсы въ Москву.

Нужно замѣтить, что Артемій Григорьевичъ при своихъ духовныхъ высокихъ качествахъ былъ физически обиженъ природой. Большая его голова съ прекрасными глазами и высокимъ лбомъ глубоко вдалась въ широкое горбатое туловище.

Позже всѣхъ пришелъ отецъ подъ руку съ своей пріятельницей, — княгиней Любовью Ива-

новой Баратовой, и они были весело встрѣчены Каменцовыми и ихъ кружкомъ.

Уже настала теплая лунная ночь, когда опустѣлъ городской бульваръ. Широкія немощенныя улицы, были облиты луннымъ свѣтомъ. Бѣлые домики подъ нахлобученными камышевыми крышами спали, чернѣя темными померкнувшими оконцами. Черезъ деревянные заборы свѣсились вѣтви душистой березы, липы, бѣлой акаціи, и изъ ихъ темной чаши раздавались трели соловья.

Изрѣдка по пустынной, еще теплой отъ дневного зноя, улицѣ, проходилъ ночной сторожъ и долго билъ въ колотушку, отъ звуковъ которой становилось такъ спокойно и уютно на душѣ и такъ сладко и мирно спалось.

Въ этотъ-то глухой городишко попала семья, предназначенная, казалось, совсѣмъ къ другой, блестящей жизни. Какимъ образомъ попалъ красивый, холеный князь Баратовъ, женатый на Сушковой, племянницѣ извѣстной поэтессы графини Растопчиной, въ Кобеляки, я точно не знаю.

У нихъ было въ Полтавской губерніи имѣніе, которое князь бросилъ, увлекшись модной тогда идеей «американизацией жизни».

Онъ выстроилъ въ Кобелякахъ первую паровую мельницу, дѣйствительно превосходную, снабжавшую весь округъ отличной крупчаткой. Въ этомъ своемъ любимомъ дѣтищѣ князь про-

водилъ все время вмѣстѣ съ техникомъ — смышленнымъ мельникомъ.

И жена князя была, казалось, ему подь пару. Она, въ согласіи съ мужемъ, ушла отъ свѣта, который она такъ же, какъ и графиня Ростопчина, «столько же боялась, сколько и презирала». А между тѣмъ, Любовь Ивановна Баратова была обаятельная женщина. Гладко зачесанные черные блестящіе волосы, отѣняли ея нѣжное лицо съ карими, лучистыми глазами, которые то мерцали, то потухали изъ подь полупущенныхъ вѣкъ, придававшимъ особую прелесть ея задумчивому лицу.

Она прекрасно пѣла, особенно модные тогда романсы на слова ея знаменитой тетקי, графини Ростопчиной «Московской Сафо», о которыхъ такъ хорошо сказалъ Тютчевъ:

«То лирный звукъ,
То женскій вздохъ...»

Портретъ гр. Ростопчиной, урожденной тоже Сушковой, висѣлъ надъ роялемъ въ тяжелой золоченой рамѣ.

«Московская Сафо» была написана въ Италіи съ лавровымъ вѣнкомъ на челѣ, которымъ увѣнчали ее Гоголь и другіе соотечественники, бывшіе тогда съ ней въ Римѣ.

Темно-синія тяжелыя занавѣски на окнахъ и дверяхъ гостиной княгини казалось отгородили ея отъ внѣшняго міра.

А между тѣмъ, въ этомъ маленькомъ городкѣ Любовь Ивановна такъ близко ощущала окружающую ее жизнь. Она видѣла дѣвушекъ, томившихся за пальцами у оконъ низенькихъ тихихъ домиковъ въ чуждой и непонятной ей жизни.

Она видѣла молодыхъ замужнихъ женщинъ, быстро терявшихъ свою красоту, старухъ, мудрыхъ и покорныхъ судьбѣ и ей представлялась жизнь этихъ женщинъ, совершающихъ какую то непостижимую тайную жертву. Кому? Чему? Привычному насилию? Темному рабству?

Въ этихъ жалостныхъ уголкахъ, по виду сонныхъ и мирныхъ, скрывалась какая то душевная тоска, а иногда трагизмъ русской жизни.

Къ ней приходили эти дѣвушки, бросавшія дѣвичьи пальцы и родныя клѣтки, прося благословенія на жизнь въ новой замужней клѣткѣ, прижимались губами къ ея рукѣ и тихо плакали.

Эти слезы находили живой откликъ въ душѣ Любовь Ивановны. Такъ же, какъ и Ростопчина, она была полна желанія бороться за женскую самостоятельность и независимость и съ этой цѣлью она открыла первую женскую прогимназію въ Кобелякахъ.

Тогда это было необыкновенное событіе въ нашемъ краѣ, отрѣзанномъ отъ центровъ отсутствіемъ желѣзной дороги и самобытностью мало-россійской жизни и культуры.

Централизаціи власти у насъ совсѣмъ не

ощущалось: губернаторъ имѣлъ менѣе вліянія, чѣмъ директоръ Крестьянскаго Банка, въ пріемныхъ котораго толпилась вся губернія. И многое, что у насъ было культурнаго въ краѣ, выходило именно изъ самобытной мѣстной жизни.

Возникали сельско-хозяйственныя общества, школы и пр.

Впослѣдствіи я присутствовала съ отцомъ на первомъ торжественномъ выпускѣ ученицъ прогимназіи княгини Баратовой.

Я стояла рядомъ съ Любовью Ивановной, очарованная ея торжественной красотой въ бѣломъ вышитомъ платьѣ и зеленымъ блескомъ изумрудовъ въ ея ушахъ и на груди.

Послѣ молебна княгиня обратилась къ дѣвушкамъ съ напутственнымъ словомъ, и говорила имъ, что онѣ теперь уже болѣе или менѣе самостоятельны и могутъ устраивать свою независимую жизнь, что тѣ изъ нихъ, которыя захотятъ продолжать свое образованіе въ Полтавской гимназіи, получаютъ ея матеріальную и моральную поддержку.

Всѣ были разстроганы, но ни одна изъ ея питомицъ не поѣхала учиться дальше.

Княгиня продолжала свое большое дѣло для будущихъ поколѣній, а впослѣдствіе передала свою прогимназію въ вѣденіе города.

МЫ — ДѢТИ.

Насъ было пятеро у отца и матери. Два наши брата, Вячеславъ и Всеволодъ, были значительно старше насъ; жили отдѣльно во флигелѣ со своимъ гувернеромъ, а мы, три сестры, въ дѣтской, рядомъ со спальней родителей.

Я была старшая, за мной шла Ларисса, за ней маленькая Оля. Передъ моимъ рожденіемъ у родителей умерли двѣ дѣвочки и потому при моемъ появленіи на свѣтъ, на меня было обращено болѣе вниманія и заботъ, чѣмъ на другихъ дѣтей. Впослѣдствіи моя мать и ко мнѣ стала такъ же равнодушна, какъ и къ моимъ сестрамъ, отецъ же до конца своей жизни отличалъ меня своей любовью. Я была похожа на него лицомъ, фигурой и, говорятъ, нравомъ.

Какъ любили и цѣнили мы тѣ рѣдкіе зимніе вечера, когда отецъ въ шолковомъ полосатомъ халатѣ съ очками на носу приходилъ къ намъ въ дѣтскую, садился въ нянино кресло, а мы вокругъ стола, и онъ читалъ намъ свои любимыя баллады Жуковскаго.

Въ послѣобѣденное время, когда горничная закрывала ставни въ кабинетѣ отца и онъ ложился тамъ отдыхать на турецкомъ диванѣ, я часто приходила къ нему, ложилась рядомъ и онъ ласково рассказывалъ мнѣ о случаяхъ своей жизни, мирно засыпая.

Тогда я сползала потихоньку съ дивана и черезъ буфетную и гостиную выходила на террасу въ садъ, гдѣ такъ было хорошо передъ заходомъ солнца, когда вдругъ настаетъ въ природѣ кратковременная чуткая тишина. Земля какъ бы вздохнетъ въ послѣдній разъ и замретъ въ повсюду разлившемся отдохновенномъ покоѣ. И все сразу притихнетъ и притаится. Вѣтерокъ заляжетъ между застывшихъ листьевъ, птицы суевившіяся и щебетавшія, вдругъ оборвутъ свое щебетаніе и притаятся, — и люди, слушая тайный совѣтъ земли, притихаютъ и успокаиваются. Остановитесь въ это мгновеніе, гдѣ васъ застигнетъ эта золотая вечерняя тишина и благословите и прошедшій день и наступающій вечеръ... — «Добрый вечеръ» — скажетъ тогда встрѣченный прохожій... А когда солнце уйдетъ за гору, опять пробуждается вечерняя жизнь, — потянетъ свѣжимъ вѣтеркомъ, зашелестятъ листья, встрепаются передъ сномъ птицы...

Я звала тогда мою сестру Лару, за ней бѣжала маленькая Оля; она была мала и не могла угоняться за нами и чтобы избавиться отъ нея, мы обманывали ее самымъ фантастичнымъ, заманчивымъ обманомъ. Мы ей говорили, показы-

вая на слуховыя окна на зеленой крышѣ нашего дома, что тамъ живетъ прелестная, золотая уточка, что мы идемъ къ ней, а ей маленькой туда не пройти,—сами убѣжали отъ нея, оставляя маленькую Олю въ слезахъ. Бѣжали мы, минуя ясеневую аллею, малинникъ къ пруду, гдѣ въ это время деревенскія бабы, стирая бѣлье, пѣли свои удивительныя пѣсни Украины. Намъ тоже хочется быть, какъ онѣ. Пойти бы жить въ деревню къ солдаткѣ Гапкѣ, она часто поетъ такъ хорошо и плачетъ, и намъ ее жаль. Ахъ, если бы мы жили у нея, помогали бы ей въ работѣ: носили бы воду большими ведрами изъ колодца, мазали бы полъ и хату глиной, пасли бы гусей и ходили бы непременно босикомъ въ запасахъ и вышитой рубахѣ.

Мы съ сестрой становились на колѣни на мягкой травѣ у бережка пруда и начинали стирать куклино бѣлье, переговариваться другъ съ другомъ по украински, что намъ дома было запрещено и подпѣвали бабамъ.

Кажется, нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, гдѣ бы народъ такъ изливаль свое горе и радость въ пѣснѣ, какъ въ Россіи. Великороссія поетъ по своему, Малороссія иначе — тоже по своему, но обѣ страны поютъ и въ работѣ и въ отдыхѣ. Не оттого-ли русская музыка заняла такое исключительное почетное мѣсто въ мірѣ?

Или мы бѣжали къ рѣшеткѣ нашего сада и влѣзая на перекладину, смотрѣли на далекое поле съ зелеными курганами, по которымъ уже

спускались вечернія тѣни и претворяли въ дѣйствительность любимыя наши сказки. Вонъ тамъ по дорожкѣ въ сторону сада, навѣрное, бѣжитъ теперь лиска. «Дзиги-дзиги скрипка, вотъ бѣжитъ лиска, а у той лиски — семеро дѣтокъ»...

Вотъ стоитъ привязанный подъ тѣнью старой вербы челнокъ на нашемъ пруду. Мы смотримъ на застывшія потемнѣвшія воды пруда, на челнокъ и думаемъ, что, можетъ быть, на этомъ челнокѣ спасется Ивасъ отъ преслѣдованія Бабы-Яги съ безошаднымъ желѣзнымъ зубомъ.

Мать не занималась нами, и мы были отданы на попеченіе няни Усти, бывшей бабушкиной крѣпостной, чудесной сказочницы, очень доброй, преданной женщины. Несмотря на запрещеніе выходить намъ изъ нашего сада, мы вмѣстѣ съ Устей, въ отсутствіе родителей, любили ходить въ деревню, гдѣ насъ такъ ласково принимали крестьяне въ своихъ бѣлыхъ хатахъ, пахнувшихъ чебрецомъ; гдѣ насъ угощали такими вкусными блюдами, какъ вареники съ вишней, жареной птицей. По вечерамъ бабы собирались въ очередную хату и при свѣтѣ коганца пряли льняную или конопляную пряжу на гребняхъ и веретенахъ или же на самопряхкахъ и пѣли старыя запорожскія пѣсни.

Особенно-же любили мы ходить на «вечерицы».

Дивчата и хлопцы въ свою очередь собирались на вечерницу въ чьей-нибудь хатѣ и, подыгру двухъ скрипокъ и бандуры, танцовали «казачка» и «метелицу». Угощенье устраивалось вскладчину и чего-чего только тамъ не было: и поляницы, и книши, и вергуны-хворость. Мы со своей стороны приносили сахаръ, медъ, варенье и свѣчи, которыя у насъ дѣлались въ домѣ, — это вмѣсто темнаго коганца.

Хлопцы нашей деревни очень ревниво оберегали свои вечеринки отъ вторженія хлопцевъ другихъ деревень. Иногда случались драки по этому поводу.

«Ой, не ходи Грицю, та на вечерниці,
Бо на вечерниці дівки каровниці».

Кромѣ крестьянъ, прикрѣпленныхъ при Екатеринѣ и ранѣе при власти Польши, къ помѣщичьей землѣ, въ нашемъ уѣздѣ за Улиновкой, жили казацкіе хутора, такъ называемые «вольные» хутора, а казаки называли себя вольными «неподлежными» казаками, потому что они никогда не были въ крѣпостной зависимости. Жили они по крестьянски, но зажиточно, держались независимо, ходили въ національныхъ костюмахъ, обязательно въ вышитой сорочкѣ, въ чумаркахъ (поддевкахъ), въ высокихъ сапогахъ. Были трудолюбивы и отличные хозяева.

Селились всегда хуторами. Послѣ сбора хлѣбовъ, осенью, мимо нашего дома тянулись по Екатерининскому шляху обозы казаковъ-чумаковъ; подводъ 30—50. Они ѣхали на волахъ въ Таврію за солью и таранью, которую вымѣнивали на пшеницу. Нашъ приказчикъ бралъ съ нихъ за проѣздъ по нашему мосту въ видѣ платы или одну тарань, или чарку соли съ подводы. По нашей просьбѣ одинъ изъ подпасковъ Грицко прибѣгалъ къ окнамъ дѣтской и стучалъ потихоньку кнутомъ въ окно: «барышни, чумаки идутъ», и мы бѣжали къ мосту, смотрѣли на длинные обозы, запряженные сѣрыми волами съ длиннѣйшими рогами, на фантастическіе фигуры чумаковъ, идущихъ возлѣ подводъ въ черныхъ холщевыхъ рубахахъ и шароварахъ, просмоленныхъ дегтемъ отъ мошкары и комаровъ, подъ предводительствомъ опытнаго чумака, и пѣли:

«Ой чумаче, чумаче, житье твое ледаче,
Чомъ не рано съ Крыму йдешь,
Не всіхъ чумакивъ ведешь?»
— «То я-жъ рано съ Крыму йду
И всіхъ чумакивъ веду,
Тилки нема одного,
Брата ріднаго мово...»

ВЪРА АНДРЕЕВНА.

Однажды осенью, возвращаясь домой, послѣ продажи шерсти на Ильинской ярмаркѣ, въ Полтавѣ, мой отецъ на промежуточной почтовой станціи Бѣлики, гдѣ обыкновенно ночеваль, встрѣтилъ нашу будущую няню Вѣру Андреевну, имѣвшую большое вліяніе не только на насъ, но и на нашихъ родителей.

Когда коляска отца поздно вечеромъ, остановилась у станціи, лакей Никита, вносившій вещи, сообщилъ, что рядомъ въ сосѣдней комнаткѣ лежитъ больная богомолка. Отецъ хотѣлъ было навѣстить ее, но она сама вышла въ станціонную комнату, и рассказала ему свои приключенія: она должна была по болѣзни отстать отъ своихъ товаровъ-богомолокъ, съ которыми шла въ Кіево-Печерскую Лавру. Держалась она просто, съ достоинствомъ и говорила интеллигентнымъ языкомъ, не похожимъ на языкъ простыхъ богомолокъ. Было въ ней еще что-то, остановившее вниманіе отца болѣе, чѣмъ этого требовала простая женщина. О чемъ отецъ долго ночью говорилъ съ Вѣрой Андреевной, намъ осталось

навѣкъ неизвѣстнымъ, но въ результатъ этого ночного разговора, отецъ пригласилъ Вѣру Андреевну къ намъ въ домъ въ качествѣ воспитательницы или няни, какъ она сама себя звала. Къ тому же и мы подросли и наша милая Устя намъ уже не годилась.

Рано утромъ подъѣхала коляска къ нашему дому и изъ нея, кромѣ отца, вышла женщина довольно полная, средняго роста, румяная блондинка, — какъ я теперь вспоминаю, — типичная москвичка съ пріятнымъ напѣвнымъ московскимъ говоромъ, такъ поразившимъ насъ, окруженныхъ малороссійской «мовой».

Она не только заполнила нашу дѣтскую, но отчасти и жизнь всей семьи. Это была настоящая фея-благодѣтельница, окружившая насъ непривычнымъ уходомъ и заботами; въ нашей же семьѣ она играла умиротворяющую роль между отцомъ и матерью и пользовалась у нихъ обоихъ неизмѣннымъ уваженіемъ.

Она не хотѣла сама играть иной роли, какъ няни и даже обѣдала не въ столовой съ нами, а отдѣльно у себя въ дѣтской. Мы ее обожали, она была очень тактична и равна съ нами, но особенно полюбила мою младшую сестренку Олю, нелюбимую ни отцомъ, ни матерью, несмотря на свой мечтательный и милый обликъ. Вѣра Андреевна просила отдать ей этого ребенка на-всегда; и позднѣе всю свою жизнь Ольга жалѣла, что родители не захотѣли исполнить желаніе ея любимой няни. Вѣра Андреевна вне-

сла въ нашу дѣтскую жизнь, кромѣ необычнаго уюта, новыя понятія и представленія о большихъ городахъ, о столицахъ, въ которыхъ она прожила свою жизнь, о людяхъ, съ которыми она встрѣчалась и съ которыми она не могла порвать послѣднюю связь. Каждый годъ весной, съ началомъ навигаціи по Днѣпру, наши лошади ее отвозили въ Кременчугъ, откуда она уѣзжала пароходомъ въ Кіевъ и далѣе въ Москву. Каждый ея отъѣздъ былъ истиннымъ горемъ въ дѣтской, но какова же была радость, когда послѣ долгаго отсутствія, возвращалась къ намъ обожаемая Вѣра Андреевна. Пріѣзжала она изъ далекой неизвѣстной намъ жизни, какъ сказочная фея, съ большимъ сундукомъ, наполненнымъ исключительно подарками и дорогими игрушками. Какъ въ сказкѣ, няня вынимала изъ своего волшебнаго сундука цѣлый ворохъ куколъ и одѣляла насъ ими; тутъ были большія, почти въ нашъ ростъ, лайковыя куклы съ фарфоровыми головами, были и небьющіяся и вся обстановка для нихъ; лошади, экипажи, прелестныя сервизы, и даже органчикъ для куколъ, мебель и пр. и пр. Цѣлыми недѣлями мы, счастливыя и ея присутствіемъ, и ея подарками, разбирали и крестили нашихъ куколъ. Стояла поздняя осень и такъ былъ пріятенъ уютъ первыхъ зимнихъ вечеровъ нашей дѣтской!

Знали-ли наши родители гдѣ она была и кто она такая?

Я только знаю, что Вѣра Андреевна была

въ живой перепискѣ съ братомъ Ив. Сер. Тур-
геева, съ Николаемъ Сергѣевичемъ, который
жилъ тогда въ Москвѣ.

Проживъ у насъ нѣсколько лѣтъ, она такъ
же внезапно уѣхала, какъ и появилась. Это бы-
ло первое настоящее наше горе.

Когда коляска съ Вѣрой Андреевной отъѣз-
жала отъ крыльца дома, я вырвалась изъ дѣт-
ской и вся въ слезахъ бѣжала долго за коляс-
кой, пока мать не принуждена была взять меня
съ собой и позволить мнѣ проводить нашу няню
въ Кременчугъ на пароходъ.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда жизнь нашей се-
мьи распалась, мы переѣхали учиться въ Пол-
таву и наше дѣтство окончилось вмѣстѣ съ отъ-
ѣздомъ Вѣры Андреевны.

МОИ БРАТЯ.

Мои братья, Вячеславъ и Всеволодъ, старше меня, жили вмѣстѣ со своимъ гувернеромъ во флигелѣ, въ саду, вблизи нашего большого дома.

Братья были разные во всѣхъ отношеніяхъ. Вячеславъ, родившійся еще въ Варшавѣ, похожій на мать, невысокій блондинъ съ нерусскимъ выраженіемъ немного выпуклыхъ голубыхъ глазъ, какъ бы привезъ оттуда свою польскую внѣшность. Всеволодъ, походилъ на отца, своими точеными чертами лица съ большими сѣрыми глазами, полузакрытыми опущенными вѣками.

Во флигелѣ въ ихъ распоряженіи были двѣ комнаты: въ одной жили братья, — въ другой ихъ гувернеръ. Перваго ихъ гувернера Франца Гавриловича я плохо помню и не знаю, откуда онъ попалъ къ намъ, какъ и не помню, когда и куда онъ ушелъ отъ насъ. Знаю только о немъ отъ старухи Орины, убиравшей флигель паньчей, что «Франтъ Гаврилычъ», какъ она его называла, по утрамъ посылалъ ее съ графинчикомъ къ мамѣ, просить водочки и закусочки. Его мѣ-

сто занялъ его собственный сынъ Жозефъ Францевичъ, готовившій братьевъ въ кievскую гимназію, типичный старомодный гувернеръ помѣщичьихъ усадебъ, являвшійся къ намъ въ большой домъ съ мальчиками только къ столу: къ чаю, обѣду и ужину. Какъ у мальчиковъ проходилъ день, что они дѣлали ни отецъ, ни мать не знали этого. Когда же намъ, сестрамъ, удавалось пробраться въ заманчивый флигель, мы съ восхищеніемъ разглядывали чудесное «хозяйство» Всеволода. Около крыльца въ чуланчикѣ копошились разные звѣрьки: зайчики, лягушки, ящерицы; въ клѣткахъ прыгали и свистѣли разные птицы. Тутъ же у него былъ складъ всякихъ сѣточекъ, дудочекъ и пр. принадлежностей.

Прудомъ мальчики совсѣмъ завладѣли: когда они кончали свои занятія съ гувернеромъ, ихъ бѣленькія рубашечки, картузики и нѣжныя по дѣтскому мягкія фигурки, мелькали то тамъ, то сямъ по бережку пруда. У Всеволода, особаго любителя звѣрья, большого фантазера, жила въ пруду съ кольцомъ въ панцырѣ старая черепаха, отлично знавшая Всеволода и выходявшая къ нему на бережокъ за лакомствомъ. Къ челноку, стоявшему подъ вербой, маленькій Всеволодъ придѣлывалъ разные колеса и паруса, а если въ домѣ пропадалъ старый зонтикъ, значить Всеволодъ взялъ его на устройство себѣ крыльевъ для полета. На зонтичныхъ крыльяхъ онъ разъ и полетѣлъ съ площадки нашей мельницы и сильно разбился.

Вячеславъ же страстно любилъ лошадей и все свободное время проводилъ въ конюшняхъ съ кучерами.

Подготовивъ мальчиковъ въ гимназію, Жо-зефъ Францевичъ уѣхалъ отъ насъ воспитывать панычей другихъ помѣщиковъ, а къ нашимъ мальчикамъ былъ приглашенъ Сычъ, сынъ Улиновскаго священника, онъ долженъ былъ сопровождать моихъ братьевъ въ Кіевъ и наблюдать за ихъ ученіемъ и поведеніемъ, за что отецъ положилъ ему 25 рублей жалованья въ мѣсяцъ. Сычъ хорошо окончилъ семинарію и былъ посланъ на казенный счетъ учиться далѣе въ Кіевскую Духовную Академію. Высокій, худой, чистый лицомъ, Сычъ былъ бы красивъ, если бы не всклокоченные волосы съ лохматымъ чубомъ спускавшимся на лицо. Онъ оказался очень плохимъ воспитателемъ: пріѣхавъ въ Кіевъ и устроившись съ мальчиками на квартирѣ, Сычъ вскорѣ попалъ въ кружокъ самостійниковъ, увлекся малороссійской опереткой, т. к. самъ хорошо пѣлъ, бросилъ Духовную Академію, а также и нашихъ мальчиковъ.

Въ Кіевѣ въ своемъ домѣ жила также наша тетка, сестра отца, религіозная старая дѣва Елизавета Ивановна Сокологорская, бросившая свое имѣніе Келебердяновку ради Кіевской Лавры и въ то же время питавшая необыкновенный интересъ къ высшей математикѣ. Елизавета Ивановна не хотѣла стѣснять своей покойной жиз-

ни присутствіемъ у себя въ домѣ мальчиковъ и ихъ воспитателя Сыча и не взявши ихъ къ себѣ, всегда наблюдала за ихъ жизнью и писала о нихъ отцу.

Такимъ образомъ, предоставленные самимъ себѣ, мальчики забросили ученіе и гимназію, хотя оба выдѣлялись своими способностями: Всеволодъ рисованіемъ и стихами, Вячеславъ математикой.

Большую часть дня мальчики проводили съ товарищами, уличными мальчишками, въ пещерахъ, выкопанныхъ ими въ Кіевской горѣ. Тамъ мальчики варили себѣ пищу и бродя по окрестностямъ, однажды встрѣтили тетю Лизу. Тетя Лиза пришла въ ужасъ отъ ихъ запущеннаго вида и компаніи, схватила младшаго Всеволода за руку и повела за собой. Товарищи братьевъ стали его отбивать отъ тетки и какъ то сломали виноградъ на ея шляпкѣ...

Тетя Лиза отправилась къ директору гимназіи и тотъ послалъ на квартиру мальчиковъ инспектора. Въ растерзанномъ видѣ, въ разорванныхъ мундирчикахъ съ оторванными рукавами, инспекторъ повелъ ихъ въ гимназію, захвативъ съ собой прекрасный портретъ Наполеона съ сыномъ, нарисованный Всеволодомъ. Портретъ былъ показанъ директору, а мальчики — всѣмъ классамъ гимназіи, какъ наглядное доказательство ихъ паденія.

Получивъ письмо тети Лизы, гдѣ она писала и объ ужасной жизни мальчиковъ и о своемъ

сломанномъ виноградѣ на шляпкѣ, отецъ немедленно выслалъ лошадей въ Кіевъ за мальчиками, тѣмъ болѣе, что подходили рождественскіе каникулы.

Въ то время отецъ очень былъ занятъ своими личными дѣлами и мальчики раздражали его, принося ему лишнія осложненія и нежелательныя заботы.

Было раннее зимнее утро, когда намъ, только что вставшимъ, сказали, что пріѣхали панычи. Мы радостныя вбѣжали въ столовую и увидали за столомъ притихшихъ и измѣнившихся нашихъ любимыхъ братьевъ. У нихъ не было и слѣда ихъ прежней непринужденности и веселья. Они неловко и застѣнчиво поздоровались съ нами и тихонько вытащили изъ карманчиковъ своихъ брюкъ намъ подарки, трогательно привезенные изъ Кіева. Всеволодъ вынулъ уточку съ утятами, Вячеславъ воскового ангелочка съ крылышками, какъ у бабочки.

Мы съ нѣжностью и любовью смотрѣли на братьевъ, стараясь ихъ обласкать. Вошелъ отецъ и сразу началъ ихъ бранить за дурное поведение и плохое ученіе. Отецъ все болѣе и болѣе раздражался и дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе, и уходя изъ столовой сказалъ, что мальчиковъ сейчасъ высѣкутъ.

Мальчики, поблѣднѣвшіе, бросивъ свой кофе, дрожали всѣмъ тѣломъ. Ужасное наказаніе имъ грозило впервые.

Лакей Никита былъ посланъ нарѣзать пруть-

евъ и потомъ говорилъ, что выбиралъ самые мягкіе, безъ сучковъ...

Вскорѣ мы въ дѣтской услышали ужасный двойной крикъ братьевъ, которыхъ сѣкли въ лакейской на желтыхъ сундукахъ. А мы вторили въ дѣтской отчаяннымъ рыданьемъ.

Въ тотъ страшный день мы мальчиковъ больше не видѣли и боялись какъ бы они совсѣмъ не убѣжали изъ дому. Мы вспоминали исторію нашего сосѣда, — суроваго человѣка, — тоже хотѣвшаго высѣчь своего четырнадцатилѣтняго сына; какъ тотъ убѣжалъ совсѣмъ изъ дома и скитался пастухомъ въ херсонскихъ степяхъ, какъ спустя нѣсколько лѣтъ, когда отецъ уже умеръ, нашли его стоявшаго въ степи, въ свиткѣ, съ высокой гирлигой (пастушечьимъ посохомъ съ крючкомъ) среди своего стада и какъ его, уже взрослого парня-пастуха, ввели во владѣніе большого наслѣдства.

Нашъ отецъ ходилъ мрачнѣе тучи, къ матери нельзя было подступиться съ разспросами о мальчикахъ; да она въ этотъ день и не была дома, а провела его со своими сыновьями во флигелѣ. Съ этого памятнаго дня отчужденіе между отцомъ и сыновьями очень усилилось и уже не прекращалось всю жизнь. Мальчики стали страшно бояться отца; онъ продолжалъ быть съ ними очень строгъ и я не помню, чтобы онъ когда-нибудь приласкалъ ихъ.

Стояла солнечная ослѣпительная ласковая малороссійская зима. По утрамъ мы съ братья-

ми ходили на «скобзанку» на нашъ прудъ. Ближайшія къ дому дорожки въ саду были вычищены отъ снѣга, а къ пруду продѣланы сквозь сугробы длинныя дорожки съ зеленоватымъ льдомъ, по которому мы скользили въ сапожкахъ на бѣломъ барашковомъ мѣху. Или катались съ горъ на саночкахъ. На пруду намъ казалось и солнце ослѣпительнѣе и теплѣе и снѣгъ бѣлѣе.

Иногда отецъ, проходя мимо пруда на хозяйственный дворъ, подходилъ ко мнѣ, бралъ меня на руки и скользилъ по льду къ моему большому удовольствію...

Приближалось Рождество. Всеволодъ, по просьбѣ хлопцевъ изъ Криничной, по вечерамъ разрисовывалъ красками большую бумажную звѣзду въ огненный цвѣтъ и фонарь съ изображеніемъ Рождества Христова на его четырехъ сторонахъ: Богородицы, Младенца въ ясляхъ; овецъ, пастуховъ и волхвовъ.

Подъ рождественскую ночь мы, въ ожиданіи торжественной минуты колядованія, прилипали лицами къ холоднымъ окнамъ, отогрѣвая дыханіемъ заиндѣвѣвшія стекла, смотрѣли на далекіе грустные желтенькіе огоньки криничанскихъ хатъ и съ волненіемъ ждали, когда надъ идущей группой парней и дѣвчатъ заколышится въ темной синевѣ рождественской ночи большая огненная звѣзда и рядомъ съ ней фонарь. Близо отъ дома уже слышится торжественное и радостное пѣснопѣніе, Христа славящее... За-

топали ноги по галлерей и вся ватага, впушенная въ дѣвичью съ колеблющейся звѣздой, фонаремъ и хоругвью, заплѣла: «Тебя Бога хвалимъ» и «Святой вечеръ, добрый вечеръ»... Мы одѣляли, по распоряженію матери, колядующихъ подарками, припасенными заранѣе: лентами, монистами, кисетами съ табакомъ и платками...

А подь новый годъ, рано утромъ, въ дѣвичьей появились «щедровщики» и всю нашу семью, выходившую къ нимъ, осыпали зерномъ — пшеницей и просомъ и пѣли:

«Щедрикъ - ведрикъ,
Дайте вареникъ,
Грудочку каши,
Кильце колбасы,
Та ще й мало,
Дайте сала...»

Щедровку надѣляли сахаромъ, леденцами, пряниками...

На первый день Рождства у насъ зажига-ли большую елку и приглашали дѣтей сосѣднихъ помѣщиковъ.

Нашъ большой пустынный залъ оживалъ, дѣлался необыкновенно уютнымъ отъ зажженной елки, отъ которой такъ чудесно пахло хвоей, тающими теплыми восковыми свѣчами, кле-емъ чудесныхъ бонбоньерокъ, стекляннаго ви-нограда на настоящихъ вѣточкахъ, коробочекъ, украшенныхъ тюлемъ и блестками, фонариковъ

и разныхъ картонажныхъ звѣрей. Стекланные разноцвѣтные бусы блестяли и отражали всю роскошь огней волшебной елки.

Рвались хлопушки, и мы, надѣленные множествомъ подарковъ, обомлѣвшіе отъ восторга, совсѣмъ неохотно составляли хороводы, нехотя пѣли и нехотя танцовали — все это отрывало насъ отъ елки, отъ игрушекъ, на которыя мы не могли налюбоваться. На другое утро мы торопились въ заль еще разъ поскорѣе взглянуть на елку, и видъ ея, все еще блестящей и красивой, сразу создавалъ въ насъ рождественско-праздничное настроеніе.

Послѣ Рождества мальчики не вернулись въ Кіевскую гимназію: Всеволода, мечтавшаго о путешествіяхъ и далекихъ странахъ, отправили въ Николаевъ въ Морской корпусъ, а Вячеслава, любителя лошадей, въ харьковскій Ветеринарный институтъ, тѣмъ болѣе, что отецъ хотѣлъ расширить свой конскій заводъ.

Для подготовки братьевъ былъ приглашенъ профессоръ философіи, монахъ-разстрига, бывшій инспекторъ Кіевской Духовной Академіи, очень талантливый и образованный человѣкъ, Василій Александровичъ Орловъ. Бунтарь по натурѣ и иногда запивавшій, онъ долженъ былъ выйти изъ Духовной Академіи. вмѣстѣ съ Вячеславомъ стали приготовляться къ Катковскому лицію у Орлова и сынъ сосѣда-помѣщика, Геня Житовскій, нашъ дальній родственникъ.

Вячеслава, Всеволода, Геню и Орлова по-

мѣстили въ бабушкиномъ домѣ, и когда Орловъ появлялся у насъ за столомъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ у родителей, и его рѣчь, всегда содержательную и талантливую, все слушали со вниманіемъ.

Свои просьбы и требованія, съ которыми онъ обращался къ матери, онъ писалъ всегда на хорошемъ французскомъ языкѣ.

Осенью, подготовивъ мальчиковъ, Орловъ уѣхалъ отъ насъ. Геня Житовскій поступилъ въ Катковскій лицей и скоро такъ закутилъ въ Москвѣ и надѣлалъ столько долговъ, что отецъ его вытребовалъ обратно въ Житовщину. На укору отца Геня говорилъ: «Меня Орловъ испортилъ».... Эта смѣшная и сакраментальная фраза стала нарицательной въ нашей семьѣ.

Вячеславъ поступилъ въ Харьковскій Ветеринарный институтъ и пріѣхалъ лѣтомъ на каникулы въ Криничную со своимъ новымъ пріателемъ Мехти-Беккомъ, персидскимъ княземъ, учившимся тоже въ Харьковскомъ Ветеринарномъ институтѣ подъ покровительствомъ русскаго правительства.

Однажды утромъ наша горничная и наперсница Сашка прибѣжала въ нашу дѣтскую съ новостью: «Панычъ пріѣхали и привезли себѣ турка, да красиваго какого... Сидитъ въ столовой въ шапкѣ и чудно такъ благодаритъ барина».

Мы съ любопытствомъ увидѣли въ столовой восточнаго типа молодого человѣка въ красной

фескъ, дѣйствительно, очень красиваго; отецъ любезно съ нимъ разговаривалъ. При нашемъ появленіи Мехти-Бекъ всталъ и низко поклонился намъ, приложивъ по-восточному свою руку сперва ко лбу, а потомъ къ груди.

Здѣсь же на диванъ лежали привезенные Мехти-Бекѣмъ дорогіе подарки отцу: два чудесныхъ персидскихъ ковра и серебряный кувшинъ съ интересной персидской чеканкой.

Цѣлое лѣто разъѣзжали на тройкахъ по всему уѣзду Вячеславъ съ Мехти-Бекѣмъ, быстро привыкшимъ къ нашей семьѣ. Веселые и шумные появлялись они у насъ за столомъ и смѣшили насъ разказами о своихъ приключеніяхъ.

Въ бабушкиномъ домѣ творилось что-то неладное; намъ строго-настрого было запрещено даже близко подходить къ дому, а когда мы пытались что-нибудь узнать отъ Сашки, она отворачивалась и фыркала въ передникъ.

Мехти-Бекъ потерялъ мало-по-малу весь свой престижъ въ нашихъ глазахъ, и мы не пропускали ничего, что намъ казалось смѣшнымъ въ немъ.

Когда онъ шелъ по ясеновой аллеѣ отъ бабушкинаго дома къ нашему большому, мы прятались въ боковомъ малинникѣ и оттуда дразнили его, по восточному выговаривая нѣкоторыя буквы:

«И европѣйца все вниманье
Народъ сей чудный привлѣкалъ...

Ихъ вѣра, нравы, воспитанье,
Все удивленье возбуждалъ».

Осенью, подобравъ себѣ по вкусу тройку съ кучеромъ Арсентіемъ на козлахъ, укатили Вячеславъ и Мехти-Бекъ обратно въ Харьковъ.

Къ концу второго года ученія, весной, явился къ намъ Арсентій пѣшкомъ съ однимъ кнутомъ въ рукахъ и разсказалъ, что Вячеславъ лежитъ въ больницѣ въ Харьковѣ — «дюже простудился», что у паныча такое на дому творилось, что и сказать нельзя, что тройка лошадей и экипажъ прокучены и что онъ, Арсентій, еле добрался до Кричиной...

Мать тотчасъ же поѣхала въ Харьковъ, и ей тамъ пришлось похоронить своего несчастнаго сына, уже не встававшего больше съ постели...

Жизнь младшаго брата Всеволода, самаго талантливаго изъ насъ, тоже сложилась несчастливо.

Гамлетизировавшій Всеволодъ не находилъ себѣ мѣста въ жизни, а неудовлетвореніе дѣйствительностью, порывы выйти изъ круга обыденности, вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ творческому труду, заставляли его метаться всю его неудачливую жизнь.

Его увлеченіе Байрономъ и печоринствомъ тоже не способствовало его личному счастью.

«И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, —
Такая пустая и глупая шутка...»

— любилъ онъ повторять.

Подготовившись съ Орловымъ, Всеволодъ отправился въ Николаевъ съ намѣреніемъ поступить въ Морской Кадетскій корпусъ, такъ какъ всегда мечталъ о далекихъ странахъ и путешествіяхъ. Его мечтѣ не удалось сбыться: вскорѣ Черноморскій флотъ былъ расформированъ...

Ранней весной возвратился Всеволодъ изъ Николаева. Онъ измѣнился, сталъ взрослымъ, задумчивымъ, прошла юношеская удалъ и на его письменномъ столѣ во флигелѣ появился портретъ очень миленькой барышни, сестры морского офицера, въ семьѣ котораго жилъ Всеволодъ въ Николаевѣ.

Въ теплый солнечный день вскорѣ послѣ его пріѣзда я сидѣла съ Всеволодомъ на травѣ у пруда; отъ воды еще тянуло свѣжестью, а солнце ласково грѣло полуопущенныя вѣки блѣднаго лица Всеволода.

Кругомъ трава желтѣла весенними одуванчиками и лютиками, вокругъ которыхъ озабоченно суетились пчелы, а Всеволодъ говорилъ тихимъ голосомъ: «Какъ прекрасна жизнь и какъ страшна она своею красотою»...

Не попавъ въ Морской корпусъ, Всеволодъ поступилъ въ Елисаветградское кавалерійское

училище и черезъ годъ пріѣхалъ къ намъ въ Криничную съ нашимъ троюроднымъ братомъ гусаромъ Грегуаромъ Чечель.

Мнѣнія нашихъ родителей о Грегуарѣ не сходились. Отецъ его считалъ «пустымъ малымъ», мать — пріятнымъ молодымъ человекомъ.

Однажды утромъ мы услышали пѣніе и бряданіе шпоръ въ залѣ — это пріѣхавшій Грегуаръ пробовалъ тамъ мазурку.

Онъ все мѣнялъ полки, сообразно формамъ, которыя ему нравились, и теперь былъ одѣтъ въ голубой гусарскій доломанъ съ ментикомъ и въ красныя чакчиры.

Ноздри у него были расширены, голубые на выкатѣ глаза смотрѣли весело и безпечно.

«Кузины, кузиночки, пройдемся разокъ!» и онъ подхватывалъ насъ въ мазурку, едва мы появились въ дверяхъ зала.

Помню его въ саду и на прогулкахъ, гдѣ онъ не разставался съ нагайкой и, хлопая себя ею по чакчирамъ и высокимъ ботфортамъ, насвистывалъ пѣсенку и приговаривалъ: «Судьба индѣйка, а жизнь копѣйка»....

Пріѣхалъ онъ съ большимъ запасомъ полковыхъ исторій, одну изъ которыхъ Всеволодъ любилъ намъ рассказывать, такъ какъ написалъ на нее фарсъ, который былъ разыгранъ въ полку офицерами.

У полкового священника была интересная

дочка. Благодаря деревенской скукѣ, Грегуаръ влюбился въ нее и сдѣлалъ ей предложеніе. Она ему отказала, объяснивъ свой отказъ несогласіемъ отца на этотъ бракъ. Грегуаръ отправился къ священнику и послѣ объясненія вызвалъ его на дуэль.

Этотъ курьезъ быстро сталъ извѣстенъ въ полку, и одинъ изъ офицеровъ, тоже ухаживавшій за хорошенькой дочерью священника, принялъ вызовъ Грегуара на себя.

Дуэль окончилась веселымъ фарсомъ, гдѣ одинъ куплетъ имѣлъ особенный успѣхъ въ полку.

«Володя, душенька, не рвись ты на дуэль,
Съ отвагой доблестной прославиться героемъ.
Убьешь — звать стануть скотобоемъ,
А не убить нельзя — осель большая цѣль».

Кагда началась такъ называемая Турецкая кампанія за освобожденіе балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига, Всеволодъ пошелъ на войну добровольцемъ. Въ Сербіи онъ встрѣтился съ Гаршинымъ, написавшимъ свой знаменитый рассказъ: «Четыре дня» — ужасовъ войны. Тамъ же онъ встрѣчался и съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ, много лѣтъ спустя рассказывавшимъ мнѣ объ этихъ встрѣчахъ съ моимъ братомъ, о томъ, какъ былъ обаятеленъ и духовно интересенъ тогда мой братъ. Вернулся Всево-

лодь изъ Сербской кампаніи раненымъ и физически, и духовно.

Отъ душевной раны ему не суждено было оправиться: онъ не женился, и въ сопровожденіи матери, безумно любившей его, всѣ послѣдующіе годы жизни путешествовалъ по бѣлу-свѣту. Изъ толстой тетради, оставшейся послѣ смерти матери, куда она записывала пофранцузски свои впечатлѣнія, видно было, что они были и въ Афинахъ, и въ Египтѣ, и въ Константинополѣ, и въ Москвѣ... Такъ, проѣздомъ, и умерла мама, 84 лѣтъ въ одной московской гостиницѣ, на рукахъ своей вѣрной камеристки, которая поклялась ей послѣ ея смерти не оставлять Всеволода.

Всеволодъ недолго пережилъ мать и скончался въ больницѣ въ Кіевѣ отъ воспаления легкихъ, на рукахъ у меня и моей сестры Ольги, вызванныхъ телеграммой бывшей камеристки матери.

ПОЛТАВА.

Послѣ отъѣзда Вѣры Андреевны мы, дѣвочки, вмѣстѣ съ матерью стали собираться для переезда на зиму въ Полтаву. Мы должны были поступить въ гимназію; мать искала выхода изъ расклеивающейся ея жизни съ нашимъ отцомъ. Сначала насъ хотѣли помѣстить въ институтъ, гдѣ уже учились дальнія наши родственницы Нечай*). Посѣщая ихъ въ институтѣ, слыша ихъ жалобы на холодъ и голодъ, видя ихъ голенькія холодныя руки и плечи, въ казенныхъ жесткихъ люстриновыхъ платьяхъ, мы запротестовали и просились въ гимназію.

Мать была за гимназію, такъ какъ тогда естествененъ былъ ея переездъ въ Полтаву. Отецъ уступилъ.

Начальницей гимназіи была тогда Яновичъ, старая дѣва, красавица въ молодости, извѣст-

*) Нечай — полковникъ Брауловскаго казачьяго полка при Богданѣ Хмѣльницкомъ, былъ смѣлымъ заступникомъ за украинскій народъ, жестоко притѣсняемый польскими панами.

ная своимъ умомъ и злобной раздражительностью. Не только ученицы, но и учителя подтягивались передъ ней, когда она входила въ классъ въ своемъ синемъ шелковомъ платьѣ съ надменной, все еще красивой головой, почти всегда дрожавшей отъ злобнаго возбужденія.

Она умѣла ранить ученицу въ самое больное мѣсто. То удивлялась бѣдной дѣвочкѣ, учившейся двумъ языкамъ, когда, по ея словамъ, ей предстояло быть простой швеей, го отправляла въ присутствіи учителя въ умывальную примочить выющіеся волосы, «чтобы не было кокетства» и т. д. Выдѣляла она своимъ благоволеніемъ только мою младшую сестру Олю, безотвѣтную и прекрасно учившуюся.

Оля окончила гимназію съ золотой медалью, я — съ серебряной.

Въ Полтавѣ жила пріятельница матери, «*Machère Sophie*» мужъ которой уѣхалъ на службу въ Польшу, оставивъ жену съ дѣтьми въ Полтавѣ. Софронская писала намъ въ Криничную, что нашла для своей милой Анжелики, какъ она звала маму, — хорошій домъ и даже мебель переѣхавшихъ въ Харьковъ ея знакомыхъ. Дѣйствительно, въ Полтавѣ мы нашли хорошенькій домикъ въ 5 комнатъ съ уютной гостиной корельской березы, обитой золотистой матеріей, столовую съ темнымъ круглымъ столомъ и такими же круглыми зеркалами въ простѣнкахъ, спальню, дѣтскую для моихъ сестеръ и маленькій кабинетъ для меня.

Нашъ домъ выходилъ окнами на широкую центральную улицу, а подъѣздомъ на большой дворъ, заросшій травою. Сзади дома была терраса, выходившая въ садъ. Въ углу большого двора стояла баня, превращенная въ прачешную, и въ предбанникѣ жило странное существо. Это былъ одинокій, безпризорный семинаристъ старшаго класса. Цѣлыми днями, всклокоченный, безъ бѣлья, въ пальто или, зимой, въ полушубкѣ, лежалъ онъ на печкѣ, читалъ свои книги и голодалъ. Иногда онъ кололъ дрова и зимой топилъ печи въ нашемъ домѣ и получалъ изъ рукъ нашей горничной Сашки хлѣбъ и горячее. Наша Сашка какъ многія хохлушки, очень хорошо пѣла, научилась у насъ грамотѣ и нѣсколькимъ «стишкамъ» и была очень смышленная.

Она покровительственно относилась къ «шминдаристу», какъ называла семинариста, и предпочитала ему сосѣдняго генеральскаго лакея. «Шминдаристъ» же былъ явно неравнодушенъ къ Сашкѣ и по первому ея слову исполнялъ всѣ ея требованія. Къ намъ онъ относился презрительно, какъ къ панскимъ дочкамъ, изъ которыхъ «никогда ничего не выходитъ путнаго», по его мнѣнью.

Онъ увлекался Писаревымъ, Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и называлъ себя нигилистомъ. Съ другой стороны нашего дома, въ сосѣднемъ дворѣ находилась типографія, выходившая окнами въ дальній уголь нашего сада. Однажды.

гуляя тамъ по темной заплѣсневлѣвшей аллеѣ, я остановилась передъ окномъ типографіи пораженная: типографскіе рабочіе окружали знакомую, высокую фигуру интеллигента, стоявшаго на скамейкѣ и говорившаго что-то съ жаромъ имъ, — это былъ Орловъ.

Это зрѣлище произвело на меня огромное впечатлѣніе.

Такимъ образомъ, наша полтавская жизнь была окружена новыми для насъ людьми, новымъ настроеніемъ другого, не помѣщичьяго міра. Мы учились, ѣздили съ матерью на балы въ Кадетскій корпусъ, а въ душѣ зрѣла жажда какой-то новой, широкой жизни и дѣятельности.

Моя сестра Лара терпѣть не могла всякихъ баловъ и выѣздовъ, гдѣ надо было показывать себя. Съ ранняго дѣтства ей было невыносимо все искусственное, показное, неестественное. Когда ей надѣвали платье на балъ, непременно голубое, а мнѣ непременно розовое, по выбору матери, завивали въ локоны ея прямые пепельные волосы, одѣвали жемчужное ожерелье, такъ шедшее къ ея бѣлой шейкѣ и голубымъ блестящимъ глазамъ, она плакала и заливалась горькими слезами.

Такой осталась она на всю жизнь.

Подъ вліяніемъ этого общаго настроенія, нашихъ учителей, книгъ и, наконецъ, примѣра Мари Потоцкой, мы, всѣ три сестры, стремились на курсы. И благодаря развалу нашей се-

мы, а съ нимъ и нашей криничаской жизни, я не встрѣтила сопротивленія со стороны родителей. Напротивъ того, отецъ очень хотѣлъ, чтобы я по окончаніи гимназіи поѣхала бы въ Москву къ его двоюродному брату, извѣстному тогда доктору Константину Ивановичу Сокологорскому, у котораго не было дѣтей и который давно звалъ меня къ себѣ.

Этимъ лѣтомъ, передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву, мы всей семьей поѣхали къ нашей любимой бабушкѣ Екатеринѣ Федоровнѣ Сокологорской, матери московскаго доктора. Это была наша послѣдняя семейная поѣздка, и она осталась у меня въ памяти, какъ разительный переломъ моей личной жизни. Уходила старая, привычная и впоследствии казавшаяся мнѣ такой далекой, невозвратная жизнь.

Мы и раньше часто ѣздили къ бабушкѣ въ ея имѣніе подъ Кременчугомъ на Днѣпрѣ. Ея бѣлый поштукатуренный домъ съ камышевой крышей стоялъ на высокомъ берегу Днѣпра, въ густомъ фруктовомъ саду, переходившемъ въ лѣсокъ, спускавшійся по обрывистому берегу къ самому Днѣпру. Ни съ Днѣпра, ни со стороны хлѣбныхъ полей, по которымъ мы поѣзжали къ дому бабушки, его не было видно; такъ онъ заросъ старымъ садомъ, содержавшимся хозяйственно, на хуторскую ногу. Малинникъ, фруктовыя деревья, огороды въ лужайкахъ все это было перемѣшано съ

зелеными кленами, тополями, жимолостью. Сирень и жасминъ подъ окнами окружали со всѣхъ сторонъ одноэтажный бѣлый домъ съ терассой, выходившей на сторону Днѣпра. Узенькія дорожки полузаросшія сочной травой, вились прихотливо отъ дома, то въ обрывъ къ Днѣпру, то на скотный дворъ, то къ флигелю второго сына бабушки Евгенія Ивановича (одинокого чудака, жившаго отдѣльно своей призрачной, странной жизнью). Въ саду было густо и солнечные лучи попадая въ чащу, какъ бы оставляли въ ней свою ласковую теплоту. Уютно и тихо было въ бабушкиномъ саду и такого количества малиновокъ, иволги, соловьевъ, я нигдѣ не встрѣчала болѣе. Намъ дѣтямъ очень нравился и домъ нашей любимой бабушки, въ немъ не было парадной и холодной красоты большихъ залъ и гостиныхъ; комнаты были невысокія, но просторныя съ синими рисунками кафельныхъ старинныхъ лежанокъ, при голландскихъ печахъ, небольшія низкія окна повсюду смотрѣли въ чащу сада и въ заманчивыя дорожки, ведшія въ разныя стороны. Полы были крашенные, блестящія, какъ зеркало, съ протянутыми повсюду чистенькими половиками-дорожками. Дѣвчата ходили босыя, чтобы не наносить пыли на сапогахъ. Деревянные кровати краснаго дерева съ взбитыми пуховиками и подушками, бѣлѣли чистотой своихъ домотканыхъ одѣяль. У зеркальных умывальниковъ-комодовъ,

висѣли полотенца съ разнообразными мережками и вышитыми пословицами на концахъ.

Только подъѣзжая изъ-за пригорка къ бабушкиной усадьбѣ, мы мелькомъ увидали бѣлую ленту Днѣпра, залитого солнцемъ и синюю дымчатую даль противоположнаго берега. Миновавъ лѣсокъ съ попадавшимися уже фруктовыми деревьями, и бѣлый флигелекъ, гдѣ жилъ дядя, мы подъѣхали къ крылечку дома, со всѣхъ сторонъ окруженнаго свѣжей зеленью сада.

На встрѣчу намъ вышла высокая полная теть Маша, помогавшая бабушкѣ въ хозяйствѣ и босыя дѣвчата. Бабушка не владѣла одной ногой и передвигалась по комнатамъ и даже по саду съ помощью мягкаго табурета на колесикахъ, на который опиралась колѣномъ своей согнутой ноги. Когда мы вошли въ столовую бабушка быстро подкатила съ табуреткой къ намъ и перекрестивши каждого въ отдѣльности перецѣловала насъ.

Она была высока, съ умными карими глазами, большая юмористка и очень тактично и любезно обошлась съ матерью, бывшей уже не въ ладахъ съ отцомъ.

На террасѣ насъ уже ждалъ чай и кофе и цѣлыя горы теплыхъ булочекъ и печенья съ медомъ. У каждого прибора стоялъ небольшой коричневый кувшинчикъ съ запечеными сливками. Такъ было ласково и уютно кругомъ!

Послѣ чая мы пошли по дорожкѣ спускаю-

щейся къ Днѣпру; все дышало какимъ то зачарованнымъ покоемъ и было слышно, какъ падала, гдѣ нибудь, переспѣлая груша или слива.

Передъ нами, внизу обрыва, разстилался, какъ серебряная лента, чудный Днѣпръ съ вѣковѣчными лѣсами и степями, идущими въ невѣдомую даль. И мнился мнѣ Мстиславъ Удалой, пробиравшійся по этимъ самымъ лѣсамъ со своею вѣрной дружиной, творить правду на Кіевской Руси, а тамъ, въ туманныхъ степяхъ, рыскающіе печенѣги, страшные даже своимъ именемъ, погубившіе Святослава въ камышахъ Днѣпровскихъ пороговъ...

Къ вечеру мы пошли къ дядѣ въ его флигелекъ. Въ домикѣ было уютно и одиноко и намъ жаль было этого старика въ холстиновомъ бѣломъ костюмѣ, сидѣвшаго годы, всю жизнь, какъ намъ казалось, за этимъ столомъ съ чугунной чернильницей, съ ворохомъ газетъ и разложенными повсюду пачками табака. У печки, въ углу, стояли прямыя дудки камыша, разнообразныхъ размѣровъ: и толстыя и среднія и тонкія. Дядя дѣлалъ изъ нихъ различные мундштуки и они лежали во множествѣ, самые разнообразные на изразцовой, широкой лежанкѣ для просушки. Табакъ сушился и на широкихъ подоконникахъ.

Дядя обстоятельно рассказывалъ отцу и удивленной матери о томъ, какъ онъ изучаетъ, какой табакъ требуетъ соответствующую трубку. Одинъ тонкую и длинную, другой тол-

стую и короткую и какой табакъ требуетъ мелкой крошки, какой крупной.

Такъ сидить этотъ, никому не нужный одинокій чудакъ и крошитъ табакъ и пробуетъ новую трубку. Раньше онъ увлекался вѣтрами. Строилъ флюгера, изучалъ силу и направленіе вѣтровъ и построилъ маленькую мельницу на четырехъ колесахъ, повертывавшуюся во всѣ четыре стороны сообразно дувшему вѣтру и однажды въ бурю подкатившуюся по дорогѣ, къ дядиному удовольствію, почти къ крыльцу его домика.

Потомъ это перестало его интересовать. Все болѣе и болѣе отходилъ онъ отъ ненужной ему жизни и ея дневная суতোлка ему дѣлалась въ тягость; онъ сталъ спать днемъ, а вставать къ своему табаку, трубкамъ и газетамъ вечеромъ, когда все затихало въ саду и на поляхъ. Много было такихъ чудаковъ «въ доброе старое время», не сумѣвшихъ использовать свою жизнь на производительный трудъ и осмысленное существованіе, и примѣнить къ дѣлу свои далеко недюжинныя способности.

Усталыя, разнѣженные душистой теплотой сада, пошли мы спать: я на старомодномъ диванѣ, мои сестры на большой кровати, гдѣ онѣ долго кувыркались и шалили утопая въ бѣлой перинѣ. Проснулись мы рано отъ гомона и пѣнья птицъ: весело кричали иволги, нѣжно сви-

стѣли малиновки и даже соловей еще доканчивалъ устало ночную свою пѣсню. Изъ всѣхъ щелей ставень пробивались красноватые лучи восходящаго солнца и вскорѣ мы услышали подъ окномъ тихое пѣніе и приплясываніе. «Отъ села до села танцы та музыки; всю куделю продала, куплю черевики»... пѣла и притоптывала босыми ногами у нашего окна дивчина, отворявшая ставни... Такъ будили по утрамъ у бабушки, чтобы пріятно было просыпаться...

Уѣзжая изъ усадьбы я не думала, что больше не увижу никогда ни милой бабушки, ни ея чудеснаго хутора на высококомъ берегу Днѣпра...

Томительно проходило то памятное лѣто въ Криничной, въ отмиравшемъ отчемъ домѣ. Отецъ надолго ѣздилъ въ Кисловодскъ, гдѣ купилъ себѣ дачу и ферму при ней; мать собирала меня въ Москву. Мы ѣздили съ ней часто въ Кременчугъ, гдѣ у тамошняго портного она мнѣ заказала нѣсколько платьевъ выходныхъ и домашнихъ и цѣлый «реестръ» бѣлья.

Всеволодъ былъ гдѣ то на военной службѣ, Вячеслава уже не было на свѣтѣ, мои сестры съ восторгомъ относились къ моему отѣзду на курсы, зная, что я и имъ прокладываю путь. Въ это лѣто я прощалась съ нашимъ Криничанскимъ гнѣздомъ, съ семьей, съ моимъ дѣтствомъ и понимала, что возврата къ прошлой жизни не будетъ и все въ ней, даже самое

грустное, было прикрито обманчивой прелестью красокъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву устроили большой, прощальный обѣдъ, на который пріѣхали сосѣди помѣщики, относившіеся съ любопытствомъ къ моему отъѣзду на курсы, молодежь и д-ръ Каменцевъ изъ Кобелякъ. На этомъ обѣдѣ былъ открытъ боченокъ съ вишневою наливкой, закопанный въ погребѣ въ день моего рожденія и предназначавшійся къ распитію, какъ полагалось, въ день моей свадьбы. За обѣдомъ отецъ прочелъ сочиненный имъ акrostихъ на мое имя.

Лѣта пышнаго цвѣтокъ,
Юга жгучаго востокъ,
Дня весенняго краса,
Меду сладкаго роса,
И всѣ прелести земли,
Лишь прекрасны, хороши,
А всего ты мнѣ дороже.

Въ открытыя окна прохладной столовой вливался теплый воздухъ сада съ ароматомъ левкоевъ, розовѣвшихъ и бѣлѣвшихъ на клумбахъ облитыхъ солнцемъ.

Послѣ обѣда гуляли въ саду, катались на лодкѣ по ослѣпительно блестящимъ на солнцѣ прудамъ, пили чай на террасѣ и, когда гости разъѣхались, отецъ усталый сидѣлъ долго на террасѣ и раскладывалъ свой грандъ-пассьянсъ.

*МОСКВА. ТУРГЕНЕВЪ, ТОЛСТОЙ,
Г. УСПЕНСКІЙ.*

Наконецъ, я въ дорожномъ клѣтчатомъ платьѣ, съ сумочкой на боку, сижу рядомъ съ отцомъ въ вагонѣ, только что построенной желѣзной дороги и ѣду въ Москву. Всѣ дальнѣйшія впечатлѣнія жизни были такъ новы и такой шумной толпой заполняли мою душу!..

Отецъ много бывалъ въ Москвѣ, и мы остановились въ его любимой Лоскутной гостиницѣ. Съ утра мы пошли осматривать достопримѣчательности Кремля, поднимались на колокольню Ивана Великаго, съ высоты которой видна была широко раскинувшаяся кирпично-коричневая пестрая Москва, со множествомъ церквей. Какая же она «бѣлокаменная» удивлялась я, представляя себѣ Москву, конечно, совершенно иначе. Я вспомнила Кіевъ и даже Кременчугъ съ Днѣпромъ показались мнѣ гораздо красивѣе...

Обѣдали мы въ ресторанѣ Тѣстова, гдѣ лакеи шокировали меня своими бѣлыми косово-

ротками и бѣлыми штанами, похожими на нижнее бѣлье.

Къ чаю мы отправились къ двоюродному брату отца Константину Ивановичу Сокологорскому, извѣстному въ Москвѣ доктору-гомеопату. Онъ жилъ въ своемъ особнякѣ на Зубовскомъ бульварѣ. Старикъ лакей насъ встрѣтилъ въ прихожей и провелъ въ гостиную, гдѣ къ намъ вышла моя тетка, высокая пожилая женщина, съ просѣдью въ черныхъ волосахъ. Она насъ уже ждала и настаивала на немедленномъ моемъ переѣздѣ въ ихъ домъ. Къ вечеру пріѣхалъ дядя съ практики, очень симпатичный добрый старикъ съ живыми карими глазами, напоминавшими глаза его матери, нашей бабушки.

За чаемъ шель разговоръ о недавно закрытыхъ медицинскихъ курсахъ, о Герьевскихъ; дядя и тетя не симпатизировали ни тѣмъ, ни другимъ и совѣтовали мнѣ поступить въ педагогическій классъ, модной въ то время первой женской классической гимназіи Фишеръ. Моя тетка и дядя были интимными друзьями Каткова, знаменитаго издателя «Московскихъ Вѣдомостей», покровительствовавшего Фишеръ, бывшей прежде гувернанткой многочисленныхъ дѣтей Каткова, крестной матерью которыхъ была моя тетка не имѣвшая своихъ дѣтей.

Сокологорскіе очень почитали Каткова, а также его ближайшаго сотрудника, извѣстнаго

философа Леонтьева, умнѣйшаго человѣка, мизантропа, избѣгавшаго общества.

Дядя и тетя очень предостерегали моего отца противъ Герьевскихъ курсовъ, говоря, что тамъ я такъ измѣнюсь, что онъ меня и не узнаетъ, да и неизвѣстно еще увидитъ ли меня когда нибудь, такъ какъ революціонное и нигилистическое настроеніе овладѣло молодежью.

Я осталась жить у Сокологорскихъ.

Весь духъ и атмосфера дома, разговоры о «стриженныхъ нигилисткахъ», властный тонъ тетки, кичившейся своимъ княжествомъ (урожденная княжна Касаткина), смотрѣвшей на меня какъ на свою будущую воспитанницу — все это пугало меня. Я боялась, что отецъ уѣдетъ и оставить меня въ этомъ домѣ. Мои отношенія съ теткой вскорѣ сдѣлались холодными, я просила отца устроить меня въ другомъ домѣ, отецъ не противился, т. к. находилъ тетку чванной, и не раздѣлялъ преклоненія своего двоюроднаго брата передъ классицизмомъ и Катковымъ. Дядя тоже скоро понялъ, что я у нихъ не уживусь, боялся осложненій и устроилъ меня у своихъ друзей князей Щетининыхъ, гдѣ я, будучи матеріально независимой могла быть подругой ихъ дочери, моей ровестницы Alexandrine.

Князья Щетинины жили въ своемъ большомъ особнякѣ въ Афанасьевскомъ переулкѣ. Ихъ семья состояла изъ князя, еще молодого, красиваго, полнаго, бритаго брюнета, удиви-

тельно пассивнаго въ жизни. Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, провѣряя счета, которые ему присылали управляющіе его имѣній въ Пушкинѣ подѣ Москвой, въ Казанской и др. губерніяхъ... или читаль историческіе архивы...

Въ противоположность своему мужу, княгиня была очень энергична, она распорядилась всемъ въ домѣ, давала тонъ жизни и требовала отъ мужа, чтобы онъ болѣе внимательно относился къ управленію имѣніями. Княгиня была красивая, полная брюнетка, съ пріятнымъ тонкимъ лицомъ и благожелательной улыбкой. У нихъ было четыре дочери: Александринъ, моя ровестница и три маленькія дѣвочки. Съ Александринъ у меня сразу же установились спокойныя, хорошія отношенія. Въ ихъ домѣ жила очень умная и почтенная гувернантка Анна Алексѣевна Чулкова, владѣтельница каменноугольныхъ копей, кажется въ Рязанской губ. Копи тогда не разрабатывались и потому не могли содержать ни ихъ владѣлицу, ни ея сына, учившагося въ закрытомъ средне-учебномъ заведеніи въ Москвѣ и приходившаго по воскресеньямъ къ намъ.

Какъ только я устроилась въ своей комнатѣ съ окнами выходившими въ Афанасьевскій переулокъ, въ концѣ длиннаго внутренняго корридора, Ан. Ал. Чулкова пришла ко мнѣ освѣδοчиться, довольна ли я моей комнатой.

Щетинины жили замкнуто и рѣдко устраи-

вали парадные приемы. Семья собиралась за столомъ и тогда князь любилъ шутить со своими маленькими дочками; иногда разспрашивалъ меня о Малороссіи, о нашемъ хозяйствѣ и лошадахъ, но никогда не говорилъ со мной о курсахъ и моихъ занятіяхъ; позднѣе я поняла, что онъ и княгиня считали курсы блажью и думали, что я скоро перестану ими интересоваться.

Два раза въ недѣлю Александринъ, и я съ Чулковой выѣзжали въ княжеской каретѣ съ ливрейнымъ лакеемъ учиться пѣть къ извѣстному тогда профессору Кашперову, а когда въ Москву пріѣхалъ знаменитый теноръ Рауль, насъ возили и къ нему показывать наши голоса, недурные, но ничего собой не представлявшіе особеннаго.

Въ день именинъ княгини Варвары Алексѣевны, передъ большимъ подъѣздомъ нашего дома останавливалась огромная карета съ шестеркой лошадей и кучеромъ, съ головой повязанной платкомъ, вмѣсто шапки. Изъ кареты два монаха, удивившіе меня своими нечистыми засаленными рясами, вынесли большую икону Иверской Божіей Матери, съ темнымъ ликомъ и младенцемъ на рукахъ, всю усыпанную драгоценными камнями. Мы всей семьей, съ прислугой, встрѣчали святыню, стоя по обѣимъ сторонамъ парадной лѣстницы, съ низко наклоненными головами, пока икону проносили въ залъ, гдѣ служили торжественный молебенъ, а

затѣмъ начинался пріемъ посѣтителей, пріѣзжавшихъ поздравлять княгиню.

Эта московская зима отличалась, какъ мнѣ кажется, особымъ блескомъ. Всѣ міровые знаменитые пѣвцы гастролировали въ Большомъ Театрѣ, гдѣ у Щетининыхъ была абонирована ложа. Одинъ спектакль былъ особенно парадень. Мы взволнованные и нарядные — князь во фракѣ, княгиня въ кружевномъ платьѣ съ пунцовой розой на груди, Александринъ въ нѣжно розовомъ платьѣ, я въ сиреневомъ, ждемъ поднятія занавѣса, гдѣ должна появиться Патти. Давали «Травиату».

Тогда не требовалась игра, особенно отъ такой пѣвицы, какъ Патти, но она играла Виолетту чудесно, играла трагически, очевидно, переживая игранное. Она была восхитительна въ бѣломъ платьѣ отѣнявшемъ ея прелестное итальянское лицо. Ея пѣніе, соловьиныя трели заливавшія весь огромный театръ, вызывали восторги до изступленія и слезы на глазахъ.

Вскорѣ мы слышали знаменитую Нильсенъ въ Маргаритѣ «Фауста». Высокаго роста, голубоглазая немного грузная, красивая шведка, она покорила наши сердца своимъ великолѣпнымъ, звучнымъ, огромнымъ голосомъ и проникновенной спокойной и драматичной игрой. Въ ней не было того легкаго изящества, блеска и страстности, какъ въ пѣніи Патти, но она давала необыкновенно художественный и правдивый образъ Маргариты.

Тогда же мы слышали удивительную Кадмину, вскорѣ покончившую самоубійствомъ, Кадмину, бывшую прообразомъ Клары Милчъ, Тургенева.

Была масса другихъ знаменитостей, которыхъ я слышала въ ту зиму: Джемета, удивительнаго Мефистофеля, незабываемый образъ котораго я сохранила до сихъ поръ, тенора Рауля и другихъ.

Однажды мы были приглашены на концертъ къ друзьямъ Щетининыхъ. Въ большомъ залѣ наполненномъ блестящей публикой была устроена эстрада съ роялемъ, на которую задумчиво вышелъ Антонъ Рубинштейнъ съ живописной головой, напоминавшей Бетховена. Онъ игралъ съ необыкновенной силой и экспрессіей, вначалѣ, какъ чудесный артистъ, а потомъ, когда увлекся, какъ талантливый творецъ. Когда онъ кончилъ, все смѣшалось въ залѣ, и съ криками восторга всѣ устремились къ нему. Я видѣла, какъ дамы цѣловали его руки, а онъ стоялъ взволнованный и смущенный.

Вскорѣ въ Московской Консерваторіи, я услышала Николая Рубинштейна, который былъ въ то время ея директоромъ. Въ отличіе отъ своего брата, онъ былъ необыкновенный виртуозъ. Его изящная игра, съ кристально-чистыми звуками, была благородно-сдержанна.

Но всѣ эти наслажденія музыкой, меня ни

мало не отрывали отъ курсовъ, цѣли моихъ настойчивыхъ стремленій въ Москву.

Я нашла на курсахъ то, чего искала: знаній и оформленія моихъ общественныхъ взглядовъ и даже больше: Герьевскіе курсы и вліяніе тогдашней молодежи, охваченной чувствомъ самопожертвованія для общественнаго блага, — опредѣлили мою дальнѣйшую дѣятельность и жизнь.

Герье принималъ слушательницъ на свои курсы у себя въ своемъ скромномъ деревянномъ особнякѣ. И я увидѣла его, сухого высокаго, съ длиннымъ лицомъ, замкнутаго въ себѣ, ученаго, въ его темномъ кабинетѣ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ огромными шкафами книгъ. Просмотрѣвъ мой гимназическій аттестатъ, онъ записалъ меня въ дѣйствительныя слушательницы, своихъ курсовъ.

Одинъ или два раза я впоследствии была у Герье на собраніи его учениковъ и встрѣтила тамъ цвѣтущаго привѣтливаго студента Павла Николаевича Милюкова.

Герьевскіе курсы помѣщались тогда въ Политехническомъ музеѣ на Пречистенкѣ, близко отъ дома Щетининыхъ.

Когда на другой день приѣма, я подошла къ подъѣзду курсовъ, я съ удивленіемъ увидѣла нѣсколько каретъ стоявшихъ тамъ...

Большой заль-аудиторія былъ полонъ курсистокъ, скромно одѣтыхъ, но далеко не нигилистическаго вида. Ждали начала первой лекціи

молодого, талантливаго профессора всеобщей литературы Шахова. Онъ появился на кафедрѣ, болѣзненный, съ чахоточнымъ румянцемъ, большими, блестящими голубыми глазами, небрежно, элегантно одѣтый.

«Западникъ» по убѣжденію, онъ читалъ объ энциклопедистахъ. Мы записывали его лекціи, не напечатанныя, по цензурнымъ условіямъ; Шаховъ тогда еще не выпустилъ своихъ блестящихъ литературныхъ очерковъ «Гете и его время», давшихъ ему имя. Эта первая лекція сразу же подняла меня на какую то, прежде смутно желанную мною, высоту, и я вышла въ этотъ день съ курсовъ счастливая; а одна изъ фразъ сказанныхъ Шаховымъ, звенѣла въ моихъ ушахъ и прочно отложила въ моемъ сознаніи. Говоря объ основахъ соціальной культуры и быта, Шаховъ сказалъ: «Чтобы быть культурнымъ, даже въ очень скромной области, человѣку нужно обладать какимъ-то минимумомъ общаго интеллекта и той доли джентльменства, которую мы вправѣ ожидать отъ всякаго средняго человѣка».

Мы слушали его лекціи неизмѣнно интересныя и талантливыя, очарованныя имъ. Его скорая смерть отъ чахотки горестно потрясла наши курсы...

Читали у насъ лекціи и знаменитые тогда уже Ключевскій и Чупровъ о политической экономіи и о вышедшемъ «Капиталѣ» Маркса.

Всегда радостно-взволнованная аудиторія

ждала появленія на кафедрѣ Василю Осиповича Ключевского. Ему было тогда около 40 лѣтъ; высокій и худой, съ черными лоснящимися волосами надъ бѣлымъ лбомъ и черными вдумчивыми, красивыми, глазами...

Ключевскій очень интересовался нашими курсами, читалъ на нихъ свободнѣе, а потому и полнѣе и интереснѣе, чѣмъ въ университетѣ, но насъ, курсистокъ персонально не замѣчалъ и читалъ ровнымъ, иногда, съ отбѣнкомъ ироніи, голосомъ.

Характерно было его чтеніе: онъ почти всегда читалъ стоя, или опершись на кафедру одной рукой, поддерживая ею свою склоненную голову; глаза были закрыты и онъ, очевидно, старался оторваться отъ дѣйствительности, чтобы перенестись полностью въ древне-русскій міръ и обстановку, гдѣ для него все было такъ ясно и жизнь билась живымъ теплымъ темпомъ; онъ извлекалъ изъ этого прошлаго міра и творилъ свои неподражаемые историческіе портреты и картины. Чтеніе его было освѣщено какимъ то особеннымъ свѣтомъ, благодаря которому фигуры и прежняя жизнь выступали такими яркими и вышуклыми.

Ключевскій былъ совершенно объективенъ и внушалъ намъ любовь къ исторической правдѣ, но все же его теплое чувство къ Алексѣю Михайловичу и Елизаветѣ Петровнѣ — чисто русскимъ характерамъ, нами очень чувствовалось, также какъ и непріязнь его къ Петру...

Его влекли къ себѣ загадки исторіи и онъ особенно останавливался на трагическихъ противорѣчіяхъ русской жизни, въ большей мѣрѣ на Иванѣ Грозномъ...

Понятенъ нашъ восторгъ и плѣненіе нашихъ душъ и ума его незабвенными лекціями.

Вскорѣ образовался нашъ кружокъ курсистокъ, занимавшихся вначалѣ исключительно науками: исторіей и литературой. Нашъ кружокъ уже имѣлъ свою собственную квартиру, такъ какъ многія изъ моихъ подругъ были пріѣзжія дѣвушки изъ далекихъ «дворянскихъ гнѣздъ». И была у насъ одна казачка Мова, пѣвшая такъ удивительно свои пѣсни съ тихаго Дона. Аккомпанировала ей на роялѣ моя подруга, удивительная піанистка. Къ нашему кружку скоро примкнули и студенты, занимающіеся наукой, какъ напримѣръ, талантливый филологъ, скоро умершій, Станкевичъ, племянникъ знаменитаго главаря кружка 40-хъ годовъ. Къ этому же кружку принадлежали будущіе ученые: Фортунатовъ-экономистъ Н. Карышевъ, Янжуль, Сиротининъ, Гольцевъ и др.

Это было время всеобщаго общественнаго возбужденія. Вся молодежь и даже солидные люди стремились: кто въ науку, кто въ революцію, кто шелъ на войну въ Сербскую кампанію; никто не думалъ о себѣ, о личной жизни, всѣ были охвачены чувствомъ самопожертвованія.

Всеволодъ пріѣхалъ къ намъ въ Москву, чтобы записаться добровольцемъ въ Сербскую

кампанію въ отрядъ генерала Черняева. Высокій, стройный, по военному сдержанный, онъ явился въ нашемъ кружкѣ, какъ какое-то видѣніе изъ другого міра.

Онъ былъ задумчивъ съ оттѣнкомъ грустнаго юмора, а его Печоринство и насмѣшливое отношеніе къ жизни, мѣшало ему всмотрѣться внимательно въ учащуюся и революціонную молодежь, несоотвѣтствующую къ тому же его настроенію. Онъ былъ мечтатель, но не бунтарь, а отсутствіе привязанности къ жизни, неудовлетворенность дѣйствительностью, жажда сильныхъ ощущеній, неизвѣстнаго и благороднаго, — все это заставило его идти на войну за освобожденіе Сербіи.

Всеволодъ и моя подруга, очень понравились другъ другу, но стремленія ихъ, этотъ рычагъ жизни тогдашней молодежи, такъ были далеки другъ отъ друга, что они разошлись каждый по своей стезѣ.

Въ день отъѣзда Всеволода на войну, вечеромъ я застала мою подругу за роялемъ, игравшую арію изъ «Риголетто, а Мову пѣвшую ей:

«Во храмъ онъ явился мнѣ,

«Прелестное видѣніе,

«Бѣднымъ студентомъ назвался» и т. д....

Эти каникулы я провела въ Криничной и это былъ мой послѣдній прощальный пріѣздъ въ родное, уже разоренное гнѣздо.

Въ Криничной я застала одного отца: мать надолго уѣхала въ Польшу къ роднымъ. Съ отцомъ жили мои сестры: Лара, ведшая хозяйство и готовящаяся на медицинскіе курсы и Оля кончившая Полтавскую гимназію.

Видя развалъ семьи, отецъ махнулъ на все рукой, ликвидировалъ свое, когда то, любимое хозяйство и переѣзжалъ въ Кисловодскъ, гдѣ думалъ заново начать другую жизнь.

Онъ продавалъ лошадей, (Михайло уже умеръ), овецъ и занятъ былъ раздѣломъ имѣнія между своими дѣтьми и выплатой приданнаго матери.

Перегоновка и Борисовка были уже проданы казакамъ и мѣстнымъ крестьянамъ. Вскорѣ и мы начали продавать свои земли нашимъ Криничанскимъ крестьянамъ, при помощи Крестьянскаго банка.

Въ домѣ все оставалось еще не тронутымъ, какъ было, но душа его отлетѣла и онъ стоялъ никому ненужный и затихшій послѣ отъѣзда матери. Никита старался еще поддержать порядокъ, но видно было, что дѣлалъ онъ это черезъ силу, такъ какъ и онъ и его жена тоже собирались къ отъѣзду въ Кисловодскъ съ отцомъ. Цвѣтники сразу захирѣли и полузаросшіе и засыхающіе такъ наглядно говорили о безвозвратно уходившей жизни. Уже тогда начинался распадъ помѣщичьяго быта, который принялъ такіе грандіозные размѣры во время царствованія Александра Ш. Это однообразное и виѣшне

тихое царствованіе какъ бы предоставляло слѣдующему разрѣшить огромные политическіе и соціальные вопросы, вставшіе въ своей грозной неотвратимости.

Въ это дворянское царствованіе, несмотря на всяческія покровительственныя системы и поддержку дворянскаго землевладѣнія, какъ, напри- мѣръ, учрежденіе Дворянскихъ банковъ, съ особо выгоднымъ кредитомъ, оно катастрофично падало и разрушалось.

Можетъ быть даже искусственная поддержка разслабляющая здоровую энергію, сама отчасти способствовала переходу дворянскаго землевладѣнія въ руки другихъ сословій: казачьяго, крестьянскаго и мѣщанскаго.

Эти крѣпкія руки Чеховскихъ Лопатиныхъ, съ ихъ новыми промышленными поведеніями, вырубали не только вишневые сады дворянскихъ усадебъ, но изгоняли и самый духъ помѣщичьей жизни.

Культурная роль дворянскихъ гнѣздъ кончалась и на смѣну имъ шло великое русское земство, единственное въ этомъ родѣ учрежденіе въ мірѣ, съ его самопожертвованными работниками: докторами, учителями, агрономами, статистиками; бесплатными, прекрасными больницами и школами.

Вернувшись въ Москву осенью на курсы, я уже больше не жила у Щетининыхъ, а переѣха-

ла въ квартиру моихъ подругъ, гдѣ мнѣ устроили чистенькую, отдѣльную комнату. Ко мнѣ прїѣзжала Анна Алексѣевна Чулкова и, видимо, была поражена непривычной ей обстановкой, безхозяйственной студенческой квартиры и она уѣхала къ Щетининымъ, очень удрученная видѣннымъ.

Вскорѣ окружающая политическая обстановка сдѣлала брешь и въ нашемъ, вначалѣ, тихомъ, научномъ кружкѣ. Появились новые для насъ типы студентовъ-семидесятниковъ, большею частью медиковъ и у насъ по вечерамъ за чайнымъ столомъ начали раздаваться новыя слова, новыя пѣсни, призывавшія насъ къ хожденію въ народъ. Нѣкоторые изъ студентовъ уже были членами конспиративнаго кружка «Земля и Воля», но нашъ кружокъ стоялъ за чисто-культурную, просвѣтительную работу; мы не сочувствовали студентамъ рвавшимъ свои дипломы, думая путемъ опрощенія найти путь къ душамъ крестьянъ, не сочувствовали и маскараду переодѣванія и упрощенія своего языка, съ той же цѣлью. Можетъ быть ошибка «народниковъ» состояла въ неправильномъ учетѣ психологіи крестьянства? Здравый смыслъ и практицизмъ отца были близки и понятны крестьянамъ, а также близость жизни и повседневныя нужды психологически сближали отца и даже мать съ крестьянствомъ и у нихъ былъ «общій» языкъ. Отвлеченные же интересы молодежи и ея настроеніе, далекое отъ повсе-

дневныхъ заботъ, не интересовали тогда крестьянъ, и не было у нея общаго языка съ ними.

Помню, однажды, у насъ въ Криничной послѣ рѣчи одной изъ полтавскихъ народницъ въ застольной*), о женскомъ равноправіи, дивчата такъ резюмировали рѣчь пропагандистки:

«И що вона насъ противъ хлопцівъ усе настраиваетъ»....

И все же борьба за правду, даже неправильно понятая на нашъ взглядъ, возвышала въ нашихъ глазахъ тѣхъ студентовъ, которые бросали свою будущность, а иногда и жизнь къ ногамъ своего любимаго народа.

Молодежь естественно старалась намѣтить новыя вѣхи развитія жизни и выявить себя въ дѣятельности, — иначе она считала свою жизнь не удавшейся.

Нашъ кружокъ стремившійся къ знанію и просвѣтительной дѣятельности, былъ однажды черезъ нашихъ профессоровъ приглашенъ въ Хамовники, къ Толстому, гдѣ онъ собирался говорить о своихъ новыхъ исканіяхъ.

Это была, по позднѣйшимъ признаніямъ Толстого, самая счастливая пора его жизни: онъ только что написалъ «Анну Каренину».

Приглашеннымъ профессорамъ и нѣкоторой части молодежи, онъ дѣлалъ сообщеніе въ боль-

*) Столовая для рабочихъ.

шой классной комнатѣ своихъ дѣтей. Насъ собралось человекъ тридцать. На возвышеніе для учителя Толстой взошелъ, засунувъ руки за ремень своей сѣрой блузы, въ высокихъ сапогахъ. Толстой былъ уже съ просѣдью, съ волосами, расчесанными рядомъ посрединѣ головы, съ необыкновенно блестящими пронзительными глазами подъ нависшими, густыми бровями.

Спокойно и властно сталъ онъ намъ говорить о мужикахъ, объ ихъ трудѣ, самомъ достойномъ и необходимомъ человеку, объ общинѣ, объ укладѣ мужицкой жизни, и призывалъ къ опрошенію, возставая противъ ненужной культуры. Это было время начала толстовства. Молча мы вышли изъ Хамовниковъ удивленные его проповѣдью къ опрошенію, послѣ того, какъ онъ такъ еще недавно напечаталъ «Анну Каренину». Конечно, намъ, стремившимся къ наукѣ и желавшимъ какъ можно ближе подойти къ ней народную массу, не могла понравиться его проповѣдь, а глубины его личности мы не поняли и только спустя 50 лѣтъ, встрѣтившись съ Толстымъ въ Крыму, я почувствовала все величіе и обаяніе его.

Въ то время пріѣзжалъ изъ-за границы въ Россію Тургеневъ. Москва, а съ нею вся Россія, чествовали его въ залѣ Московскаго Университета. Студенческая молодежь, конечно, рѣшила, что ей надо принять участіе въ этомъ чествованіи, и она знала о предполагавшемся выступленіи другихъ общественныхъ группъ.

По этому поводу у насъ на квартирѣ было собраніе студенческаго кружка. За нашимъ большимъ столомъ въ столовой собралось около 20 видныхъ представителей студенчества.

Выработали текстъ обращенія, составленнаго въ спокойномъ привѣтственномъ тонѣ, но съ оговоркой, что живя за границей, Тургеневъ не могъ знать настроенія учащейся молодежи 70-хъ годовъ; что Базарова нельзя считать ея типичнымъ представителемъ.

Въ переполненномъ залѣ Московскаго Университета на эстрадѣ появился Тургеневъ, съ просѣдью въ густыхъ волосахъ, элегантно одѣтый, по внѣшности и манерамъ типичный помѣщикъ, немного похожій на моего отца. Залъ встрѣтилъ его восторженными рукоплесканіями; это было время, когда выходившій каждый его новый романъ жадно прочитывался всей Россіей и молодежью и комментировался на разные лады.

Произнесеніе рѣчи было поручено студенту-медику Викторову, недавно пріѣхавшему изъ Казани, поэтому еще не знакомому мѣстной полиціи и обладавшему даромъ слова.

Обсуждали вопросъ о томъ, гдѣ долженъ сѣсть Викторовъ для произнесенія рѣчи: въ первыхъ-ли рядахъ кресель, или съ хоръ, наполненныхъ студенчествомъ... Рѣшили послѣднее.

Говорили представители разныхъ общест-

венныхъ группъ, и Тургеневъ, отвѣчая имъ прочиталъ слѣдующее стихотвореніе, имѣя въ виду неумолчную борьбу тогдашней революціонной молодежи, группировавшейся около «Земли и Воли»:

«Послѣдняя туча разсѣянной бури,
Одна ты несешься по ясной лазури;
Одна ты печалишь ликующій день,
Одна ты наводишь унылую тѣнь.
Довольно, сокройся, пора миновала,
Земля освѣжилась и буря промчалась.

.....

Когда Тургеневъ кончилъ, вдругъ раздался голосъ Викторова съ хоръ, говорившаго съ большимъ волненіемъ и совсѣмъ не то, что было рѣшено. Это былъ отвѣтъ на примиренческое настроеніе прочитаннаго Тургеневымъ стихотворенія. Викторовъ говорилъ о томъ, что Тургеневъ, живя за-границей являлся чуждымъ русской жизни, что онъ «не холоденъ, не горячъ» и потому не можетъ быть близокъ молодежи, что положеніе Россіи и студенчества тяжелое и она обстоятельствами жизни призвана къ борьбѣ... и т. д. и т. д. Послѣ минутной тишины и замѣшательства, наступившихъ вслѣдъ за рѣчью Викторова, а затѣмъ и смятенія, полиція бросилась арестовать Викторова, но студенчество опытное въ такихъ случаяхъ, сомкнулось большимъ кольцомъ

вокругъ Викторова, и онъ смогъ незамѣтно пробраться къ выходу и скрыться. Его рѣчь была принята очень сочувственно революціонной частью молодежи.

Вспоминается моя тогдашняя встрѣча съ Глѣбомъ Успенскимъ, въ памятную мнѣ Пасхальную ночь въ Кремлѣ.

Нащъ кружокъ курсистокъ и студентовъ былъ приглашенъ Глѣбомъ Ивановичемъ разговляться послѣ заутрени.

Успенскій жилъ въ Кокоревской гостиницѣ у Кремля. И когда мы послѣ заутрени поднялись къ нему въ номеръ, то не нашли его тамъ; кто-то изъ курсистокъ сталъ разливать чай, и мы долго ждали его.

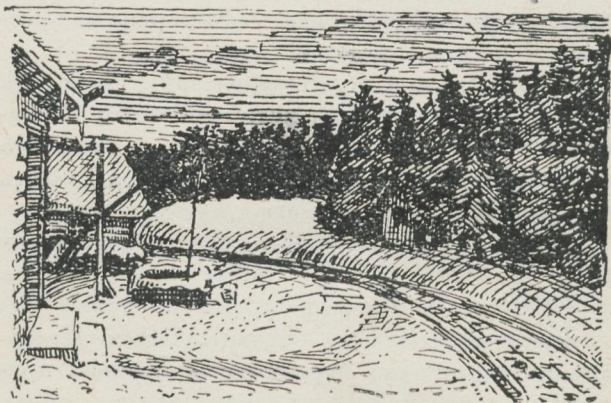
А онъ стоялъ на своемъ балконѣ въ этотъ теплый, весенній вечеръ, подъ синимъ небомъ со звѣздами и, кажется, забылъ о насъ...

Когда я вышла на балконъ, Глѣбъ Ивановичъ, опираясь на перила, задумавшись, пристально всматривался въ движущуюся внизу толпу съ горящими свѣчами, освѣщавшими радостныя, взволнованныя лица. Его прекрасныя большіе каріе глаза на болѣзненно-напряженномъ, блѣдномъ лицѣ, какъ бы мучительно спрашивали: куда идетъ народъ, чего онъ хочетъ, какова его душа?...

Незадолго до окончанія мною Герьевскихъ курсовъ, во Владимірской губерніи открылись

недолговѣчныя, но прогремѣвшія Барановскія народныя школы, построенныя на средства крестьянина Владимірской губерні Баранова, разбогатѣвшаго на торговлѣ.

Прекрасно оборудованныя, свѣтлыя, обширныя эти сельскія школы, снабженныя все-

возможными учебными пособіями, вплоть до физическихъ приборовъ и библіотеками, онѣ сразу привлекли вниманіе нашего кружка.

Одна школа была открыта въ селѣ Новоселкахъ, другая въ Шеметовѣ, съ общежитіемъ для бѣдныхъ и дальнихъ учениковъ.

Въ Москвѣ Барановымъ были устроены мастерскія школьныхъ пособій, кажется въ Трех-

прудномъ переулкѣ, гдѣ работали подѣ при-
смотромъ техниковъ окончившіе ученики изъ
его школь. Эти мастерскія, также какъ и его
школы были недолговѣчны.

Къ этимъ мастерскимъ близко стоялъ Ероп-
кинъ, принадлежавшій къ нашему кружку и впо-
слѣдствіи устроившій на Кавказѣ извѣстную
земледѣльческую толстовскую колонію «Кри-
ница».

Не будучи революціонеромъ и бунтаремъ
по натурѣ и не имѣвшій склонности къ религі-
ознымъ вопросамъ, Еропкинъ примкнулъ къ
Толстовскому движенію, видя въ немъ разрѣ-
шеніе соціальныхъ вопросовъ и путь къ само-
усовершенствованію.

Опрощенная жизнь и непосредственный зем-
ледѣльческій трудъ казались ему прекраснымъ
средствомъ для того и другого.

Въ этой новой жизни онъ думалъ найти рѣ-
шеніе тѣхъ «проклятыхъ» — какъ тогда назы-
вали, — вопросовъ о неравенствѣ и эксплуата-
ціи челоука челоукомъ....

Рѣшалъ онъ ихъ не въ широкомъ государст-
венномъ масштабѣ, а для себя лично, для сво-
ихъ единомышленниковъ.... Всѣ свои большія
средства онъ отдавалъ на организацію такихъ
колоній: одной въ Уфимской губерніи, другой
на Кавказѣ. Эти Еропкинскія колоніи, вскорѣ
стали убѣжищемъ для многихъ его единомыш-
ленниковъ.

Понятно, что стремясь къ просвѣтительной

дѣятельности, я по окончаніи Герьевскихъ курсовъ поступила въ Барановскую школу въ Новоселкахъ, а моя подруга въ Шеметовскую, и наша служба народу, какъ мы ее понимали, началась.

Владимірскій народъ, очень промышленный благодаря близости Москвы и отсутствію плодородной земли, относился къ ученію, какъ къ необходимой нуждѣ и встрѣтилъ насъ дружелюбно и привѣтливо.

Крестьяне съ испоконъ вѣковъ занимались ткацкими промыслами и почти въ каждой избѣ былъ свой ткацкій станокъ такъ же какъ и въ Ярославской, сосѣдней губерніи, уже тогда прославившейся своими полотнами.

Это ткацкое ремесло вскорѣ обратило на себя вниманіе такихъ промышленниковъ, какъ братья С. и В. Морозовы, создавшіе во Владимірской губерніи въ селѣ Орѣховѣ-Зуевѣ свои, кажется, самыя обширныя въ мірѣ въ то время, ткацкія фабрики, гдѣ вскорѣ на нихъ работало около 36.000 рабочихъ.

Кромѣ того, много Владимірскихъ крестьянъ ходило офенями-торговцами, разносившими товары по всему лицу русской земли. Неудивительно, если они понимали необходимость въ грамотѣ и счетѣ.

Какъ разнообразны русскія губерніи! Владимірцы были противоположностью нашимъ украинскимъ хлѣборобамъ, которые жили на сво-

ихъ черноземныхъ поляхъ, не покидая родного села и не видя необходимости въ ученіи.

Къ величайшему сожалѣнію Барановскія школы вскорѣ были закрыты правительствомъ, а самъ Барановъ подвергся преслѣдованію.

Однажды, зимой, передъ Рождествомъ, когда только-что была закрыта Шеметовская школа, а моя подруга была уже въ Москвѣ, я давала урокъ въ моемъ классѣ, выходявшемъ своимъ окномъ въ поле, окаймленное чернымъ боромъ.

Быль блестящій зимній день; солнечные лучи весело играли по крашеннымъ поламъ класса и по картинамъ, развѣшаннымъ по стѣнамъ.

Въ старшемъ классѣ шла веселая работа, когда вдругъ дверь отворилась и вошелъ пріѣхавшій инспекторъ народныхъ училищъ.

Дѣти писали изложеніе басни Крылова: «Листья и корни». Инспекторъ, просмотрѣвъ начатую работу, вызвалъ одного мальчика къ доскѣ и спросилъ: «Какъ же ты понимаешь эту басню?».

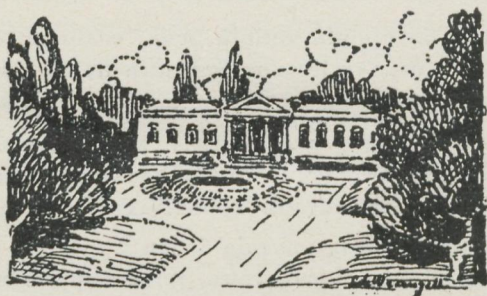
И когда мальчикъ сказалъ, что корни это народъ, кормящій государство, — инспекторъ отобралъ тетради и написалъ неблагопріятный рапортъ, послужившій формальнымъ поводомъ къ закрытію нашей школы.

Я долго сидѣла въ этотъ день въ раздумьи у окна классной комнаты, пока заходящее солнце

не окрасило въ пурпуровый цвѣтъ и дымное морозное небо и макушки темнаго бора.

Какъ только солнце скрылось за чернымъ ошетиившимся лѣсомъ, сразу надвинулись сініе сумерки зимняго вечера.

TALLINNA KESK
RAAMATUKOGU

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
Семья Сокологорскихъ	9
Мой отецъ	19
Моя мать	26
Наши крестьяне	35
Сосѣди — помѣщики	40
Уѣздный городъ	54
Мы — дѣти	63
Няня Вѣра Андреевна	69
Мои братья	73
Полтава	89
Москва. Тургеневъ, Толстой, Г. Успенскій	100

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

449.903

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00045244 7